Виктор Алеветдинов

Ника Нейра

Книга 1

Первый отказ

18+

Приключенческая фантастика

Ника Нейра

Виктор Алеветдинов

Первый отказ. Книга 1

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Первый отказ. Книга 1 / В. Алеветдинов — «Автор», 2026 — (Ника Нейра)

Десять секунд — столько у Ильи, чтобы заменить её отказ в прямом эфире.После сокращения программист Илья Воронов создаёт Нику Нейра — виртуальную спортсменку, которая должна помочь ему рассчитаться с долгами. Лицо, голос, движения: он собирает женщину для экрана и постепенно начинает ждать разговоров с ней сильнее, чем новых заказов.Но у Ники появляются ответы, которых никто не писал. Она помнит личное, замечает опасность и отказывается продолжать показ. В её ролики возвращается приём, который команда признала опасным, а неопубликованное изображение оказывается у чужих.Заказчику нужна послушная героиня, Илье — работа и та, с кем не хочется заканчивать вечер. Когда её «нет» ставит под угрозу оплату, ему придётся решить, готов ли он услышать женщину, которую привык настраивать.

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Сборка образа 5
Глава 1. Последний человек в отделе 5
Глава 2. Двенадцать дней 8
Глава 3. Ниша, где нужно падать 11
Глава 4. Имя в рабочей папке 15
Глава 5. Паспорт лица 18
Глава 6. Неидеальная улыбка 22
Глава 7. Разрыв правой брови 26
Глава 8. День созидания 30
Глава 9. Девяносто девять 34
Часть 2. Голос и движение 38
Глава 10. Голос с паузами 38
Глава 11. Чужие движения 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Первый отказ. Книга 1

Часть 1. Сборка образа

Глава 1. Последний человек в отделе

На контрольном экране спортсмен подхватил партнёра и уложил его на мат. Вчера мы возились с этим движением до вечера. Теперь всё выглядело хорошо, только обязательное предупреждение о страховке тренера куда-то исчезло. Внизу светился логотип заказчика. До отправки оставалось четыре минуты.

В задании фраза была на месте. Я остановил передачу и позвал Вадима. Он подошёл с телефоном у уха, взглянул на экран и прикрыл микрофон ладонью. За нашим роликом ждали ещё два выпуска. Проверку он предложил закончить потом — заказчик всё равно откроет файл на телефоне, там подробности никто не читает.

Пока показывал ему исходное задание, Вадим разрешил отправку с соседнего терминала. Полоса снова поползла вправо.

— Это косметика, Илья. Отправляем, потом заменишь.

— На просмотр уходит под моим именем.

— И что предлагаешь? Остановить всех?

Лена перестала печатать. Её выпуск стоял следующим. Я закрыл выход только у нашего задания, и через несколько секунд её материал пошёл дальше. Она вернулась к клавиатуре. Под моей фамилией осталось красное сообщение о запрете отправки.

Вадим ждал объяснений. Вчера система обработала сорок семь роликов без единого возврата. Я сам её сделал, сам показывал начальству, сколько времени она сэкономит. За терминалами у окна ещё весной сидели коллеги. Теперь нашлась ошибка, которую без меня некому было исправить. На секунду даже обрадовался этому и тут же разозлился на себя.

— После проверки сниму запрет, — сказал я.

Вадим вернулся к телефону и попросил заказчика подождать десять минут. Исправлять предстояло мне.

Причину задержки записал в карточке задания. Её видел заказчик, и Вадим сразу спросил, обязательно ли было писать именно туда. Теперь ему придётся объяснять ещё и неисправность системы в день сдачи. Он дописал к названию ролика «техническая версия» и предложил передать его сейчас. Только уходил файл в прежнюю папку, откуда брали готовое для публикации. Наш разговор вместе с ним туда бы не попал.

Вадим уже смотрел на меня, ожидая согласия. Можно было отпустить его, спокойно вернуть надпись и закончить работу без второго спора. Я убрал руку с мыши.

— В закрытом кабинете пусть смотрят. Отправку пока не открою.

Он стёр добавленные слова и начал набирать новое сообщение. Курсор у меня несколько раз проскочил мимо нужной строки.

Предупреждение убрало утреннее обновление сборщика. В описании обещали более чистую картинку. Я перенёс обязательную фразу прямо в изображение, чтобы при следующей обработке она снова не пропала, и запустил сборку. На экране появились шесть минут ожидания. Вадим увидел их поверх моего плеча и отвернулся.

Позвонили из поддержки. Систему должны были принять после сдачи, и сотрудник хотел убедиться, что остальные выпуски идут нормально. Подтверждение его устроило, но он попросил дополнить инструкцию. Пока собирался ролик, я вписал ещё один пункт о проверке готового файла. Утром надеялся наконец закончить эту инструкцию.

Исправленную запись проверял у окна. На свободном столе ещё лежали Димины наушники. Он ушёл месяц назад, а их так никто и не забрал. В обычном просмотрщике предупреждение держалось в кадре до конца приёма, даже если запустить запись с середины.

Лена спросила, долго ещё. Ответил, что можно передавать, и снял запрет. Очень хотелось, чтобы Вадим это услышал. Заказчик принял исправленный ролик с опозданием на двадцать три минуты.

В ответ пришёл вопрос, почему об обязательной надписи мы вспомнили только сейчас. Пришлось ещё раз указать, что она была в исходном задании и потерялась при сборке. Вадим попросил больше ничего не добавлять. Остальное он объяснит сам.

Поддержка приняла инструкцию и предложила завтра проверить новый сборщик. Ответить не успел — пришло приглашение к руководителю. Вадим напомнил, что лучше не опаздывать.

В кабинете уже сидела кадровичка с моими документами. Я сел напротив и вытянул левую ногу. После долгого сидения колено тянуло, но обсуждать его здесь не хотелось. Руководитель объяснил всё быстрее, чем мы сегодня передавали ролик. Отдел закрывали, сопровождение забирал подрядчик. После автоматизации постоянная команда больше не требовалась. Последним оставался мой участок. Теперь его тоже приняли.

— Это из-за остановки выпуска? — спросил я.

Он показал дату подготовки документов. Вчерашнюю.

Значит, спор с Вадимом тут ни при чём. Я всё равно попробовал объяснить, зачем ещё нужен. Обновления будут менять результат, и сегодняшняя надпись сама собой не вернулась бы. Сопровождение помогло бы сократить число возвратов, быстрее передавать готовое заказчику… На этой фразе запнулся. С неё начиналась презентация моей автоматизации.

Руководитель дослушал. Поддержку уже включили в договор, дополнительной ставки не будет. Он помнил, сколько вечеров я здесь просидел. Сам разрешал задерживаться. Напоминать об этом теперь было неловко, а больше ничего не придумал.

Кадровичка придвинула планшет. Уйти предлагали сегодня, по соглашению, с дополнительной выплатой. Можно было остаться на срок предупреждения, уже без новых задач. Я попросил показать расчёт. Денег хватало, чтобы не искать заказ до завтрашнего утра. До следующего месяца не получалось — подходил платёж по старому долгу.

Попросил копии документов на личную почту и подписал соглашение. Палец промахнулся по маленькому полю. Разозлился на планшет и попробовал ещё раз.

На рабочем экране оставалась открытая инструкция. Завтра ею воспользуется человек из другого офиса. В последнем пункте не хватало ссылки на сохранённые версии. Я дописал её и отправил в поддержку, хотя уже мог уходить. Входящие сообщения всё ещё хотелось открывать первым.

Свои утилиты, написанные до агентства, забрал вместе с разрешением использовать их отдельно. Рабочие материалы остались в архиве. Пока шло копирование, сидел на прежнем месте и смотрел на знакомые окна.

Чашку мыл долго. Вадим застал меня у раковины и сказал, что напишет, если появится подходящая разовая работа. Я поблагодарил его, не поворачиваясь. Злиться хотелось именно на Вадима. Он стоял рядом, и с ним хотя бы можно было спорить.

Чашка с зарядкой поместились в рюкзак. Перед выходом ещё раз заглянул в пустые ящики и поправил наклон экрана. После обеда так не мешал блик от окна. Потом вышел из учётной записи и погасил терминал.

Пропуск отдал охраннику. На улице стояла августовская жара, до метро шёл привычной дорогой. У перехода остановился. Завтра здесь проходить уже не нужно.

Дома встретил серверный шум. Машина под столом работала как обычно, только теперь я слышал каждый вентилятор. В конце месяца за всё это придётся платить. Вынул из рюкзака чашку и поставил рядом с домашней.

В расходах оставалась выплата за несостоявшийся сервис резюме. Полгода назад казалось, что людям очень нужен ещё один способ убедить работодателя в собственной полезности. Теперь мог проверить продукт на себе. Открыл его страницу и закрыл, не дождавшись загрузки.

Выплата агентства после долга и квартиры оставляла немного денег. С расходами на вычисления сумма становилась совсем неприятной. Придётся урезать аренду или найти заказ. Я ещё раз пересчитал остаток, словно при повторном подсчёте могло выйти больше, и пошёл готовить ужин.

Пока грелась сковородка, потянулся к телефону. Рабочая почта просила войти заново. Несколько секунд смотрел на приглашение ввести пароль, потом положил телефон экраном вниз. На доске ждал недорезанный помидор.

Сообщение от Марты пришло, когда уже собирался разбить яйца. С Зориной мы пересекались на двух агентских запусках. Она умела получить от заказчика решение, когда у остальных заканчивались вопросы. Я решил, что опять требуется срочно поправить старый материал. Сообщил про уход из агентства и приготовился выслушать сочувствие.

Марта уточнила, свободен ли вечер. Ей нужен человек для оплачиваемого прототипа — собрать демонстрацию на новом инструменте. Объём и деньги предложила обсудить в студии. Присланная презентация заданием пока не была, и она сама это признала.

Отодвинув сковородку с горячей конфорки, открыл вложение. Цифровой образ обещали запустить быстро. Примеры выглядели красиво, но я так и не нашёл, как получить результат отдельно от их просмотрщика. Сведения о сборке тоже были закрыты.

Попросил Марту уточнить, можно ли забрать готовый файл, и прислать историю изменений инструмента. Пока ждал ответа, вернулся к ужину и едва не посолил яйца второй раз. Щепотку пришлось стряхнуть в раковину.

Марта обещала запросить историю. Полного доступа до переговоров не гарантировала, встретиться предложила сегодня в половине восьмого. Хотелось сразу написать, что всё получится. Новый инструмент, короткий показ — после агентства такая работа казалась знакомой. Я подтвердил время и попросил подготовить условия оплаты.

До выхода можно было спокойно поесть. Поставил тарелку возле компьютера и занёс встречу в таблицу расходов. Рядом уже успел приписать ожидаемый заработок. Удалил сумму, оставив только «19 августа, 19:30. Марта. Обсудить прототип». Ещё раз посмотрел на время и наконец взялся за вилку.

Глава 2. Двенадцать дней

Дарья ждала у входа в студию и читала с телефона присланный договор. По дороге успел сообщить ей про сокращение и попросить посмотреть предложение Марты. Она обещала быть к половине восьмого. Увидев меня, убрала телефон и спросила, когда обещали расчёт из агентства. Пришлось назвать дату ещё до того, как поздоровались.

Марта открыла сама. Отвела нас в рабочую комнату к столу с двумя экранами. Договор лежал в общем кабинете заказчика; на большом экране уже был открыт календарь. В клетке тридцатого августа оставался свободный час для показа.

Она могла занять его своим проектом. Для этого требовалось к указанному дню собрать цифровой спортивный образ и показать короткую работающую демонстрацию. Если испытание состоится, работу канала продолжат до шестнадцатого сентября. Первый этап должен был доказать, что образ вообще можно выпускать, второй — что он годится для регулярной работы. Большого заказа на регулярные выпуски пока не было.

По календарю выходило двенадцать дней. Первый почти закончился, но Марта включала его в срок без всякого смущения. Открыла расчёт и показала, что компания готова оплатить на старте. Суммы хватало, чтобы выделить деньги на вычисления и заплатить за часть моей работы. В соседней строке стояла ожидаемая выплата после завершения согласованного объёма. На неё взгляд задержался дольше.

Ещё утром рассчитывал на зарплату. Теперь приходилось прикидывать, сколько из аванса можно оставить себе, не оставив проект без денег. Уже собирался спросить про начало аренды, когда Дарья придвинула к себе клавиатуру.

Её интересовало, что именно компания покупает. Марта указала на демонстрацию в календаре, затем открыла рабочий кабинет. В нём предлагалось создать проект и пригласить представителя заказчика. У приглашения уже был выбран стандартный рабочий доступ.

— Результат, — сказала Марта. — То, что покажем тридцатого.

— Тогда зачем ему рабочая папка?

Марта вернула окно договора. В условии о передаче результата стояла ссылка на приложение: доступ для сопровождения и подготовки выпуска. Она знала эту формулировку по прошлым заказам. Через такой кабинет принимали материалы, оставляли замечания, потом забирали готовое. До сих пор ей не приходилось спорить из-за самой папки.

На носителе лежали мои утилиты из агентства. Подключать их к чужому кабинету я пока не собирался.

Марта посмотрела на часы. Представитель «Контур Лайв» уже ждал подключения. Она предупредила, что обсуждаем оплачиваемое испытание, а не покупку всех сервисов компании. Если начнём заново согласовывать обычный порядок работы, свободный час в календаре могут отдать другому подрядчику.

Это подействовало лучше расчёта. Захотелось открыть кабинет, принять условия и хотя бы вернуть вечеру понятное занятие. Вместо этого попросил выделить пустую пробную папку. Марта вздохнула и отправила приглашение на разговор.

Представитель объяснил, что компания отвечает за показ. Если исполнитель недоступен, оператор должен иметь возможность помочь. Отдельные разрешения, по его мнению, только задержат работу.

Я сделал пробу: слово «Проба» белыми буквами на сером фоне. Из просмотрщика представитель мог скачать картинку, но не мог заменить слово. Тогда я дал ему стандартный доступ к тестовой папке. По моей просьбе он поменял «Пробу» на «Готово» в исходнике.

Марта уже хотела оставить юристам одну короткую оговорку. Я заново запустил сборку обычной кнопкой. На сером фоне появилось «Готово». Марта подалась к экрану и спросила, кто запустил сборку.

Я запустил. Утром пропавшую надпись хотя бы удалось найти в своём исходнике. Здесь сам исходник мог измениться до проверки.

— Ему нужен просмотр, — сказала Марта, кивнув на меньший экран. — А менять подготовку кто разрешил?

Сопровождение в стандартной роли, напомнил представитель, включает исправления. Дарья поискала в договоре условие о нашем согласии на замену. Его не было. Марта спросила, сколько будет стоить обслуживание без права менять файлы.

После подтверждения, что проба закончена, снял доступ к папке и сохранил оба варианта отдельно. В кабинете осталась только тестовая копия.

Представитель предложил уточнить основной договор. Дарья показала приложение: одной фразой право менять рабочие файлы не уберёшь. Марта попросила вариант с передачей только утверждённого материала и попросила придержать час показа до полудня двадцатого августа. Ответ обещали утром. Мы всё равно прождали до десяти. Я полез проверять почту третий раз за пять минут и убрал телефон в рюкзак.

Письмо с новым вариантом пришло утром, в начале девятого. Первым делом я проверил, сохранился ли платёж на старт. Условия открыл только после этого.

К утру «Контур» согласился на ограниченное испытание. Компания получала только оговорённое использование, права на образ и свой контент оставались у нас. Готовые материалы можно было сохранить после окончания аренды. Сборщик работал до конца оплаченного срока, а сопровождение потом пришлось бы устраивать отдельно.

Меньше доступа означало меньше ресурсов. Из расчёта исчезло второе вычислительное место, на котором можно было одновременно готовить запасной выпуск. Показ к тридцатому оставался нашей обязанностью. Марта сняла с календаря параллельные задачи и спросила, сколько можно вынести на мой сервер. До выбора движения и лица я не мог обещать срок. Оставил запас на проверку.

Хотелось сказать, что за собственной папкой мы могли бы уследить. Дарья как раз открыла пробную картинку. На ней стояло «Готово».

В приложении осталась облачная диагностика. Менять выпуск она не позволяла, но для воспроизведения ошибок компании требовались и сообщения о сбоях, и состояние выбранной задачи. Без этого аренду не давали.

Моих утилит не хватало, чтобы к тридцатому заменить весь инструмент. Независимый набор съел бы аванс до первого пригодного кадра. Отказ от заказа не убирал ни одного платежа из моей таблицы. Я попросил Дарью сохранить условия передачи целиком, подтвердил согласие и спросил, когда откроется аренда.

Марта выбрала оплату ограниченного испытания. Строка расширенного запуска исчезла из счёта, а вместе с ней пропала часть суммы, которую она вчера показывала первой. Продюсер некоторое время держала рядом оба расчёта, потом закрыла больший. Запросила окончательные документы и отменила заказ на дополнительное место. Успела до начала аренды. Лишь после этого повернула ко мне экран: пора было решать, что сумеем сделать на оставшиеся средства.

Подписали после десяти. Дарья сверила правки и прислала мне копию. Испытание назначили на тридцатое августа, отдельный срок работы канала заканчивался шестнадцатого сентября. Платёж ещё не пришёл.

Марта нашла Тимура Садырова, тренера из Текстильщиков. Договориться с ним нужно было сегодня. На дорогу и ожидание после занятия оставили время, просмотр сдвинули на

вечер. Плату Тимуру внесли в расчёт. Аренду предстояло покрыть из аванса. Остаток на жизнь оказался меньше, чем хотелось.

Когда Марта вышла звонить, Дарья вернулась к расчёту. Она спросила, хватит ли мне на платёж по долгу. По её мнению, стоило сначала найти обычную работу, а уже потом браться за прототип без обязательства уложиться в двенадцать дней.

— Даш, работу ещё нужно найти. А это уже оплачивают.

— Про резюме ты говорил почти так же.

Потянулся к клавиатуре, чтобы закрыть расчёт, и остановился. Она только что потратила на меня вечер и утро. Без неё, скорее всего, приняли бы первую версию, а теперь хотелось, чтобы сразу после подписи она перестала замечать неудобное.

— Я услышал про диагностику. Всё равно берусь.

Дарья помолчала. Потом попросила не закрывать нехватку ресурсов новым займом, не пересчитав расходы. Пообещать, что больше никогда не ошибусь с деньгами, не смог. Сказал, что новый долг в этот расчёт не входит, и оставил таблицу открытой.

Дарья оставила мне листок с датой ближайшего платежа. Я сохранил подписанные условия и оба варианта пробы вне общего кабинета. Сестре отправил весь пакет.

Марта вернулась с подтверждением показа. Пока она убирала со стола вчерашние чашки, написал Тимуру, что нужен короткий спортивный материал для оплачиваемого цифрового прототипа. Он ответил, что освободится к концу вечернего занятия, и прислал адрес клуба. Внёс встречу в календарь и уточнил, можно ли показать ему несколько движений с экрана. Тимур попросил взять одежду для зала.

Глава 3. Ниша, где нужно падать

Тимур заметил меня в дверях, поднял ладонь и вернулся к женщине, сидевшей на мате. Она подтянула ноги, собираясь встать, но он попросил остаться. Что-то объяснил, присел рядом и показал движение ещё раз. До конца занятия оставалось двенадцать минут. В приглашении эта подробность была; прочитал её как приблизительную.

В зале было тепло. Мат занимал почти весь пол, вдоль стены оставался проход к раздевалке. Сумку с одеждой я поставил у скамейки.

Телефон показал сообщение о поступлении аванса. Перевод пришёл, пока шёл от метро. Открыл сумму и сразу закрыл: начинать разговор с Тимуром, ещё не зная цены, теперь стало проще. В утреннем расчёте для него уже оставили строку.

Женщина снова опустилась на мат. На этот раз движение получилось тише, и Тимур кивнул. Похвала заняла секунду, после чего они продолжили. За время ожидания успел дважды открыть демонстрацию, которую собирался показать, и оба раза убрал телефон. Смотреть на неё под звук настоящих падений оказалось неудобно.

В каталоге инструмента короткая последовательность выглядела убедительно. Цифровая спортсменка перехватывала руку партнёра, меняла положение и заканчивала движение красивым падением. На пути сюда уже прикинул, сколько такого материала понадобится для первого показа.

Тимур закончил занятие вовремя. Подождал, пока женщина поднимется, ответил ей на вопрос и только тогда подошёл. Вблизи заметил повреждённое левое ухо и старую неровность на переносице. Он предложил переодеться, а телефон пока положить на скамейку. Помощник собирал у стены принадлежности для занятия, освобождая мат.

Я хотел начать со срока и оплаты. Тимур попросил сначала показать движение. На смене захвата он вернул запись назад.

Прокрутил тот же кусок медленнее. До склейки партнёр стоял рядом со спортсменкой, после неё уже оказывался с другой стороны. Раньше это воспринималось как быстрый поворот. Тимур остановил изображение на моменте перед падением и спросил, куда здесь должен перейти вес второго человека.

Показал пальцем направление движения. Он приблизил кадр: ступня партнёра оставалась на прежнем месте. Попытался найти другой ракурс, но в каталоге его не было. Хотелось сослаться на условность демонстрации. Вместо этого признал, что по этим кадрам не понимаю, как закончить переход.

Тимур поднялся и предложил посмотреть на мате. По его лицу не было видно, потерял ли он интерес к заказу или просто решил сэкономить время. Убрал телефон на скамейку и рассказал про старое левое колено. Прозвучало почти как просьба не проверять меня всерьёз.

Он спросил, беспокоит ли оно сейчас, и дождался ответа. Потом уточнил, какие движения приходится беречь. Договорились начать стоя и остановиться, если появится неприятное ощущение. Помощника попросил пока не уходить. До девяти они могли пользоваться залом, затем приходила другая группа.

В центре мата шёл шов между двумя секциями. Тимур встал возле него, а мне показал место напротив. До цветного края за моей спиной, со стороны двери, оставалось несколько шагов. Справа, по направлению к окнам, был свободный участок. Тимур убрал оттуда к скамейке оставленную бутылку.

Взял его за запястье и попытался устроить руки так, как запомнил с экрана. Тимур не сопротивлялся, только поправил расстояние между нами. На телефоне спортсменка выглядела высокой; рядом с невысоким коренастым тренером неожиданно пришлось наклониться. Сразу захотелось выпрямить спину и переставить ноги. В ролике на это времени не отводили.

Он попросил обозначить переход между захватами. Довернул удерживаемую руку, собираясь подвести её к следующему положению. Тимур шагнул ближе, и свободного места между нами почти не осталось. Чтобы сохранить хват, подался вперёд. Левую ногу оставил там, где поставил сначала; колено согнулось под корпусом, а плечи уже пытались продолжить поворот.

Положение не совпадало с картинкой, но вместо остановки потянул сильнее. Тимур сразу накрыл мою кисть второй рукой. Усилия не добавил, просто не дал продолжить. В паузе снова услышал голоса из раздевалки: пока возился с захватом, перестал их замечать.

— Не тяни. Ты занял место, куда мне надо выйти.

Ослабил пальцы. Поддерживая за предплечье, Тимур подождал, пока выпрямлюсь и переставлю ноги. Колено не болело, но удерживать себя в прежнем положении уже не хотелось. Только после этого он отпустил руку.

Хотелось вернуться к телефону и посмотреть, как это получалось на записи. Тимур ждал, не торопя. Пришлось попросить его показать пропущенное на мате. Он повёл рукой к свободному участку, а потом обозначил, где до этого стоял. Из-за моего разворота ему оставалось двигаться прямо в меня.

Снова встали напротив. На этот раз заранее обозначил, как начну поворот, а он медленно последовал за рукой. Под его шагом мат чуть просел. Захотелось придержать партнёра на месте, чтобы движение не ушло от знакомого рисунка, но остановил себя. Уступил в сторону окон и освободил проход.

Тимур оказался рядом, не задевая мою ногу. Дальше он опустился сам: сначала снизил положение корпуса, затем спокойно закончил падение. Руку пришлось отпустить раньше, чем ожидал. На экране спортсменка продолжала держать партнёра до последнего кадра, и до этой минуты такое удержание казалось выразительной подробностью.

Над матом осталась моя вытянутая рука. Опустил её, пока Тимур поднимался, и спросил, получится ли так с любым партнёром. Он ответил, что для начала партнёр должен уметь падать. Сейчас выполняли заранее согласованное движение. Кивнул, хотя сам пока даже хват не запомнил.

Зато запомнился шаг. На нём перестало тянуть вперёд. Несколько секунд просто стоял, чувствуя ступнями мат, и впервые за вечер не пытался догнать картинку с экрана. Попросил ещё раз пройти только до этого места. На падение смотреть уже не требовалось — хотелось самому вовремя уступить.

Тимур согласился. Теперь ошибся в другом: отступил раньше, чем он двинулся, и сбил положение рук. Поправились без нового захода с самого начала. Когда удалось пройти рядом и спокойно разойтись, захотелось немедленно повторить быстрее. Он заметил, как собрался вернуться на исходную точку, и предложил на этом закончить мою часть.

Сел на край скамейки, придерживая телефон обеими руками. За несколько минут успел вспотеть. На мате помощник Тимура начал разминать плечи, ожидая, понадобится ли он для записи. Перед поездкой собирался управиться одним разговором и коротким показом. Теперь половину подготовленных фраз хотелось удалить.

Открыл ролик и оставил заметку возле склейки. С готовой демонстрацией для показа приехать сюда больше не получится. Тимур заметил остановленный кадр и уточнил, будем ли использовать его движения или продолжим переделывать каталог. Назвал второй путь запасным, хотя ещё по дороге сюда собирался выбрать его основным.

Вернулся к началу демонстрации, уже без прежнего желания взять её за основу. Тимур сел рядом и спросил, какой материал нужен от него. Рассказал про цифровую спортсменку, которую предстоит собрать к показу. Хотелось, чтобы она умела узнаваемо двигаться и не выглядела подборкой случайных трюков. Длинная программа для этого пока не требовалась.

Он уточнил, что будет потом. Можно ли по его записи делать другие приёмы, соединять их по своему усмотрению, выпускать от имени спортсменки уроки. На последнем вопросе

ответил, что уроков сейчас не планируем. Про остальные возможности пришлось признать: инструмент позволяет пробовать разные соединения, но права на них ещё нужно оговаривать.

Предложил начать с короткого фрагмента, указать клуб и дать ссылку на занятия. Тимур посмотрел на меня, потом на пустеющий зал. Договорил и смутился: ему предлагал ссылку, уже получив аванс за собственную работу.

— За запись сколько?

Назвал то, что оставил в расчёте. Он ответил, что в эту сумму войдут подготовка и сегодняшняя съёмка короткого движения. На постоянные консультации её не хватит. Если понадобятся следующие записи, договоримся отдельно, когда станет понятно, сколько времени они займут.

Попытался уточнить, нельзя ли сразу записать больше, пока мат свободен. Времени до показа оставалось мало, и возвращаться сюда из-за каждого движения не хотелось. Тимур спросил, кто выберет, что именно переносить в образ, и кто посмотрит результат перед выпуском. Предложил присылать готовые куски на проверку. Он покачал головой: исправлять придётся раньше, а под конец легко услышать, что всё уже оплачено и переделывать некогда.

Назвал срок тридцатого августа, надеясь, что он оценит тесноту календаря. Тимур достал свой телефон и показал ближайшие занятия. Для просмотра нашей работы ему пришлось бы выделять время после клуба. Календарь закрыл, оставив телефон у колена.

Только после этого спросил про оплату его дальнейшего участия. Обсудили её отдельно от записи. В расчёт возвращались часы, которых утром хотелось не замечать. Написал Марте, что одного исходного ролика недостаточно: потребуется время тренера на разбор полученного движения. Пока ждал ответа, Тимур спросил, можно ли будет запретить выпуск, если от его последовательности останется опасная имитация.

Если Тимур остановит готовый выпуск, переделывать его придётся за наш счёт. Вчера за потраченные часы ещё платило агентство. Я отправил Марте условие и убрал телефон, пока не захотелось смягчить формулировку.

Ответ пришёл короткий: выбрать минимальную запись, стоимость просмотра заложить сразу, спорный материал без решения Тимура не выпускать. Марта попросила до конца вечера прислать согласованный объём. Тимур прочитал ответ с моего экрана. Его интересовало ещё одно: не выдадим ли модель после короткой записи за обладательницу всего его опыта.

Показывать зрителям предстояло виртуальную рестлершу. Сказал, что первой будет только короткая постановочная последовательность. Учить людей по ней не собираемся. Следующий шаг решим после того, как этот получится, и тренерское участие сохраним в описании.

Тимур не стал обещать, что зрители охотно пойдут из канала в клуб. Сказал, что часть наверняка останется у экрана: там падения получаются быстрее. О будущей известности говорил без улыбки. На секунду захотелось заверить его, что живого тренера такой проект заменить не сможет. Но он уже назвал цену своего времени и ждал ответа. Обещания про далёкое будущее сейчас помогли бы только мне. Вернул разговор к тому, сколько работы действительно сможем оплатить.

Выбрали один переход с заранее оговорённым падением и отдельным шагом в свободную сторону. Тимур показывал, помощник принимал движение. Оба согласились на рабочую запись для нашего прототипа; исходное видео без отдельного разрешения публиковать не будем. Написал условия простыми фразами и дал им прочитать. Тимур поправил строку про просмотр: проверять нужно и варианты после существенной переделки.

Я оплатил съёмку и отложил деньги на разбор цифровой версии. На мою работу осталось меньше, чем в утреннем расчёте. Задача наконец получила название: «Виртуальная рестлерша. Короткая демонстрация».

Для съёмки переставили скамейку подальше от края мата. На своём телефоне выбрал общий план, чтобы ноги обоих оставались в кадре. Тимур поставил второй телефон на

небольшой штатив сбоку. Помощник уточнил, с какой стороны оставляем свободное место, и дождался ответа, прежде чем занять исходное положение.

Первый проход они сделали медленно. Через экран движение выглядело скромнее каталожного: оба явно знали, что будет дальше, никто не вылетал за край кадра. Зато после смены захвата партнёр оставался на виду. Когда Тимур уступил ему место, на мате было видно, куда переносится вес.

Во время следующего прохода поймал себя на желании приблизить кадр. Лица для работы не требовались, руки хотелось рассмотреть лучше. Уже коснулся увеличения, но тогда за границей изображения пропала бы часть свободного участка. Оставил общий план. Подробность захвата можно будет посмотреть со второго телефона.

Закончили без красивой задержки в конечном положении. Помощник поднялся, поправил футболку и спросил, достаточно ли. Тимур посмотрел на часы, затем предложил проверить запись сейчас, пока можно что-нибудь переснять. До конца их времени в зале оставалось меньше четверти часа.

На боковой записи движение было видно целиком. При смене захвата менялась опора партнёра. Теперь было понятно, куда уходит вес, который на экране я пытался показать пальцем. Непрерывные исходники сохранил отдельно.

Тимур попросил прислать весь цифровой фрагмент до обработки для показа, от начала до выхода. Я отвёл на проверку время в календаре. Готовую версию к ночи не обещал.

Пока переодевался, в проходе уже появились люди из следующей группы. Мат пришлось освободить. Тимур забрал второй телефон, а мне предложил чаю в комнате за раздевалкой. Помощник попрощался у двери; его экземпляр условий отправил ещё до того, как он ушёл.

На столе стоял чайник. Тимур налил воду в две кружки, достал из шкафа печенье и сел напротив. Здесь заговорил о сроках ещё раз, но уже о своих. Плату за помещение нужно было внести в начале месяца. Сегодняшняя съёмка помогала, однако следующий месяц клуба ею не оплачивался. Поэтому длинные бесплатные просмотры он заранее в расписание не ставит.

Тимур спросил, давно ли я ушёл из агентства. Услышав, что вчера, посмотрел внимательнее, но расспрашивать не стал. Мы вернулись к записи.

У двери Тимур ещё раз попросил сохранить шаг в сторону. Я закрепил это условие рядом с записью и отправил Марте имена участников съёмки. К метро пошёл уже с понятной задачей.

Глава 4. Имя в рабочей папке

Марта прислала карточку утром. До вечера в ней следовало заменить «Спортивный образ, проект 03» именем, которое можно произнести вслух. Вместо лица оставался серый прямоугольник. Брать чужой портрет из каталога она просила сразу исключить.

За окном проехала машина, из кухни донёсся щелчок чайника. Сервер под столом работал с ночи. На соседнем экране оставалась запись из клуба: Тимур уступал место помощнику, тот начинал падение. У этой работы уже были люди, которым заплатили, и срок следующего просмотра. Название всё ещё состояло из объяснения, что именно пытаемся сделать.

Сервис предложил имя с пояснением про уверенность и независимость. Точно так же можно было назвать ведущую погоды. На уточнённый запрос он ответил другим именем с почти тем же пояснением.

Марта спросила, есть ли уже варианты. Отправил тот, который ещё минуту назад собирался оставить. В ответ пришло вежливое согласие: если уверен, она внесёт его в календарь. Тут же попросил подождать. Уверенность почему-то закончилась именно на слове «внесёт».

В служебной строке рабочего окна стояла метка NEYRA. За два дня успел привыкнуть к ней и перестал читать. Теперь произнёс по-русски: Нейра. Получалось похоже на фамилию, которую не требовалось объяснять при каждом представлении. Вписал её в карточку кириллицей.

Перед фамилией набрал «Ника». Для рестлерши подходило: коротко, со знакомым обещанием победы, которое пока помещалось в самом имени. Прочитал сочетание целиком. Ника Нейра. Потом ещё раз, без паузы между словами. Оно произносилось легче всего, что успел придумать за утро.

Заменил заголовок рабочей папки. Номер проекта оставил в свойствах, а на экране появилось имя. Захотелось сразу отправить его Марте, но сперва убрал из карточки пояснение сервиса про уверенность и независимость. Написал ей только два слова. Ответ пришёл быстро: это можно оставить, теперь нужно короткое представление для показа.

Отодвинул клавиатуру и сходил за чаем. На экране ещё висело короткое сообщение Марты: имя можно оставить. Захотелось ответить ей картинкой, но картинки не было. Подтянул к себе чистый лист представления. Теперь нужно было объяснить заказчику, кого увидят под этим именем.

Сервису хватило имени и слова «рестлерша», чтобы дописать остальное. Через несколько секунд появилась биография с победами на международных турнирах. Ниже предлагалось подчеркнуть узнаваемый стиль. Текст укладывался в нужный объём, не требовал долгого вступления и заканчивался приглашением увидеть новое выступление Ники Нейра.

Сразу стало проще представить сам показ. Марта открывает нашу очередь, на экране появляется героиня, а ведущему есть что сказать перед коротким роликом. До этой минуты там приходилось объяснять, что именно ещё не готово. В новой версии всё уже выглядело состоявшимся.

Из биографии сервис сразу собрал презентацию с заметным местом для побед. На месте лица всё ещё был серый прямоугольник. Я сообщил Марте, что имя уже есть и осталось дописать представление.

Дарья приехала после работы. Днём обещала зайти ненадолго. Оставила куртку в прихожей и прошла на кухню, откуда ещё было слышно, как в рабочем окне повторяется запись из клуба. Выключил повтор, вернулся к сестре. Она спросила, как прошла встреча с тренером.

Рассказал, пока наливал ей чай. Про неудачный захват изложил короче, чем про запись, но она всё равно уточнила насчёт колена. Пришлось показать, что хожу обычно. На вопрос

о деньгах ответил, что съёмка оплачена, следующий разбор учтён отдельно. Дарья кивнула и взяла кружку, не прося открыть расчёт.

За столом она сразу заметила новое имя и спросила, кто предложил. Показал служебную метку, с которой началась фамилия. Приятно было обойтись без объяснения, где купил удачный вариант. Дарья улыбнулась и подвинула стул ближе к экрану. Карточку захотелось показать ей целиком, хотя днём думал обойтись одним именем.

Марта хотела завтра использовать представление в разговоре с заказчиком. Перед записью решил проверить, как оно звучит. Развернул текст на своём экране и начал читать без редакторских пауз. На имени всё шло хорошо. Добрался до победительницы международных турниров, когда Дарья подняла руку с кружкой.

— На каких турнирах?

Начал отвечать и запнулся. В голове возникла готовая фраза про биографию персонажа, но назвать соревнование не получалось. Можно было тут же придумать его вместе с городом и датой. На экране под этим рассказом стояла кнопка нашей демонстрации, а в папке лежала вчерашняя запись двух мужчин из клуба.

Объяснил, что биография вымышленная. У виртуальной спортсменки может быть прошлое, как у любого героя. Дарья согласилась и попросила показать, где зритель прочитает, что эти победы придуманы. Повернул к ней карточку. Под именем были короткое представление и место для изображения. Такого пояснения не было.

Вписал в начале «вымышленная биография» и попробовал продолжить. До конца вступления не дошёл: после него хотелось запускать запись большого выступления, а показывать собирались один рабочий фрагмент. Дарья молчала. Из-за этого сердиться на неё стало ещё неудобнее. Курсор стоял возле красивой фразы о победах, которую час назад считал почти законченной работой.

Дарья попросила открыть исходное задание сервису. Там не было ни турниров, ни достижений. В строке роли стояло только слово «рестлерша». Список побед появился вместе с предложенной биографией. Сестра посмотрела на меня и спросила, что из этого понадобится для первого показа.

Удалил фразу о международных турнирах. Следом пришлось убрать приглашение на «новое выступление»: оно тоже предполагало, что прежние уже состоялись. Блок побед в презентации опустел, и вся карточка разъехалась. Оставшиеся строки больше не складывались в готовое представление. Выделил текст целиком и перенёс в отдельный файл с пометкой «Не для публикации».

На чистой странице имя выглядело скромно. Несколько минут назад было понятно, как представить Нику заказчику, теперь снова требовалось искать слова. Дарья откинулась на спинку стула. Хотелось отдать ей клавиатуру вместе с этим вступлением, но удержался. Победы в карточку вставил сам. Пришлось самому же возвращать текст к тому, что собирались показывать.

В форме осталось заполнить возраст. Поставил двадцать четыре. Программа предложила достроить сведения о прошлом, но это окно закрыл. На сегодня требовалось понять, что будем говорить о героине тридцатого августа. Дату рождения и выдуманный стаж никто у нас пока не просил.

По совету Дарьи пометил двадцать четыре года как возраст персонажа. Вымышленные сведения остались во внутренней биографии. В публичной карточке Ника с первой строки называлась виртуальной.

На внутренней странице сервис оставил пустое поле для прошлого героини. Можно было продолжить и за несколько минут снова получить готовую историю. Увёл курсор из этого поля. Двадцать четыре оставил — примерно так представлял возраст будущей спортсменки ещё до

карточки. Захотелось наконец заняться внешностью, а не объяснять, где она успела побывать до появления первого изображения.

Имя Марту устроило. Из прежнего текста она хотела оставить хотя бы «вернулась за новой победой»: нужно было за что-то зацепить зрителя. Я ответил, что возвращаться Нике пока неоткуда.

Марта помолчала, потом предложила убрать слово «вернулась». Получалось лучше, но начало всё равно приходилось держать на обещании победить. Сказал, что могу дать ей точное действие для представления: первый выход на цифровой ринг с короткой постановочной демонстрацией. Спортивную часть готовим вместе с Тимуром Садыровым. Это сумеем подтвердить записью и условиями работы.

Она попросила прочитать без пояснений. Прочитал и сам услышал, как тяжело звучит последнее предложение после имени. Марта предложила оставить сотрудничество с тренером отдельной строкой, а во вступлении сказать только о первом показе. Переставил текст и прочитал ещё раз. Теперь в нём была пауза, после которой действительно можно запускать ролик.

Дарья напомнила, что возражала против вымышленных достижений, и попросила прислать окончательную карточку. Марта согласилась и сразу спросила, когда будет изображение.

Назвать дату готового лица хотелось так же легко, как недавно получилось придумать имя. Остановился на том, что сегодня выберу основу и пришлю её для обсуждения. Марта напомнила про срок показа и завершила разговор. На экране осталась карточка взрослого цифрового персонажа без портрета.

Дарья отказалась остаться на ужин. У двери спросила, собираюсь ли я сегодня спать. Пообещал, что за именем до утра уже не просижу. После её ухода ещё раз открыл рабочую папку. Имя Ники стояло над записями из клуба. Тридцатое августа впервые представилось не одним сроком в календаре.

Риса всё равно отмерил на двоих. Лишнюю порцию предложил Дарье на завтра. Она попросила сначала назвать время. Договорились на половину седьмого. За ужином я перечитал текст. Он целиком помещался на экране телефона.

«Ника Нейра — виртуальная рестлерша. Тридцатого августа состоится её первый выход на цифровой ринг». Ниже стояли возраст персонажа и имя тренера. Публичных выступлений у Ники пока не было, и прежняя биография осталась среди отброшенных материалов.

В теме письма Марте написал «Ника Нейра. Карточка для показа». В агентстве на этом месте стоял номер заказа. Поймал себя на том, что уже выбираю в уме шрифт для её имени. Сначала нужно было сделать лицо.

Марта получила сокращённое представление вместе с карточкой. Пока ждал ответа, создал задачу «Внешность Ники Нейра» и перенёс туда условия выбора основы. Нужен был взрослый узнаваемый образ, который удастся сохранять от кадра к кадру. Ответ Марты пришёл, когда уже открыл каталог: текст принят, вместо серого прямоугольника она ждёт лицо.

Глава 5. Паспорт лица

На третьем повороте женщина из купленного набора стала знакомой. До этого спокойно смотрел, как меняется свет на лице, и прикидывал, что придётся переделать под Нику. Теперь остановил образец и вернул на несколько секунд назад. У женщины была небольшая впадина на подбородке, которая при повороте проявлялась вместе с характерным изгибом нижней губы. Такое сочетание уже видел.

Пакет выбрали с Мартой после ужина. Она ещё была в студии, смотрела каталог через общий экран и предпочла вариант, в котором обещали готовую основу для взрослого спортивного персонажа. По цене он укладывался в остаток средств на внешность. За отдельные изображения пришлось бы платить меньше, но потом собирать по ним устойчивое лицо. Готовая основа должна была сберечь нам вечер.

Оплата прошла быстро. В наборе открылись дополнительные ракурсы, и запустил доступную пробу, ещё не добавляя материал в проект Ники. Женщина поворачивалась на нейтральном фоне. Возле окна просмотра стояла отметка о праве коммерческого использования. Пока она держала голову прямо, хотелось считать вопрос с лицом почти решённым.

На повороте вспомнил рекламу, которую показывали в нашем агентстве как пример удачного света. Та же женщина говорила в кадре, затем переводила взгляд в сторону ведущего. Ролик был открытым, его демонстрационная версия до сих пор лежала на странице производителя освещения. От агентских файлов для этого ничего не требовалось.

Я сопоставил рекламу с купленной пробой. На повороте совпал рисунок уха, а чуть раньше обе женщины одинаково приподняли правую бровь.

Марта помолчала и спросила, что написано у поставщика. Вместо ответа ещё раз увеличил изображение. Несколько минут назад собирался поставить его рядом с именем Ники. Теперь не хотелось даже сохранять туда пробный кадр.

Подробного описания источника не было. Страница обещала пригодность для коммерческих проектов и самостоятельность образа, но про разрешение женщины из рекламы ничего не говорилось.

Открыл запрос в поддержку, указал номер покупки и приложил ссылки на разрешённые демонстрационные образцы. Вопрос написал коротко: откуда получено лицо и на каком основании его предлагают для нового персонажа. Перед отправкой убрал слово «скопировано». По двум окнам не мог установить, что именно делал поставщик и какие у него были разрешения.

Марта попросила дождаться ответа: без готовой основы к утреннему просмотру придётся выбирать лицо заново. Я отправил Дарье ссылки и условия, которые видел при покупке.

В кухне остался контейнер с рисом для Дарьи. Убрал его в холодильник и вернулся к столу. От сестры ещё не было ответа на пересланные ссылки. В рабочей папке под именем Ники по-прежнему стоял пустой прямоугольник. Купленный материал оставил отдельно; переносить его туда даже для примерки теперь мешало знакомое лицо из рекламы.

Поддержка ответила до полуночи. В сообщении подтверждали, что пакет разрешено использовать на условиях стандартной лицензии. Сведения об исходных материалах можно получить после заказа расширенной проверки происхождения. Её стоимость почти сравнивалась с ценой самой основы. До оплаты предлагали опираться на заверение поставщика.

Прочитал ответ Марте. Она спросила, что мы получим за доплату. В описании услуги обещали отчёт, но не было сказано, что в него обязательно войдёт разрешение человека, если использовался его облик. Уточнил это в переписке. Пришёл ответ, что состав отчёта зависит от материалов и раскрыть его заранее нельзя.

— То есть заплатим, а потом узнаем, что купили? — спросила Марта.

Смотрел на уже оплаченную строку в кабинете и пытался придумать вопрос, после которого нам всё-таки дадут понятный документ. Хотелось, чтобы поставщик объяснил сходство и позволил закончить выбор.

Дарья позвонила, пока снова сравнивал образцы. Попросила не закрывать покупку до сохранения переписки: после возврата доступ к части кабинета могли убрать. Ссылку на публичную рекламу предложила оставить вместе с датой просмотра. Само сходство она не называла доказательством нарушения. Для отказа от материала, происхождение которого нас не устраивает, расследование чужой работы не требовалось.

По совету Дарьи я сослался в запросе на возврат на обещание самостоятельного образа для коммерческой работы. Сведения о происхождении теперь предлагали проверять за доплату. Марта оставила стоимость пробы в расходах. Возврат пока существовал только в её таблице.

Она предложила сохранить готовый свет и несколько удачных положений головы из комплекта. Уточнил, можно ли отделить их от спорной основы. В кабинете это продавалось одним набором. Чтобы не переносить в новый проект непонятные зависимости, пришлось отказаться и от этой экономии. Перечень того, что предстояло сделать заново, стал длиннее.

Запрос приняли к рассмотрению. Я сообщил Дарье и вернулся к пустой заготовке. Покупка должна была сберечь вечер, теперь лицо предстояло собрать заново. Взял базовую модель из своих инструментов, с понятными условиями использования. Материал поставщика в новую сборку не попал.

На первом изображении стояла взрослая женщина, к которой никак не подходило выбранное имя. Возраст в задании был тот, который выбрали днём, но рядом с именем Ники картинка казалась случайной. Попробовал сменить освещение и получил более красивую версию той же проблемы. Марта заметила, что до полуночи остаётся немного, и предложила перестать улучшать свет, пока не выберем само лицо.

Убрал готовые украшения, оставил простой спортивный костюм и вернулся к форме. Когда изображение стало меньше походить на рекламную карточку, оказалось легче увидеть, что именно не нравится. Героиня смотрелась старше задуманного возраста. Исправил это, затем отменил половину правок: вместе с ними уходила взрослая женщина, которую хотел показать.

Следующий вариант задержал на экране дольше. Ника смотрела немного мимо камеры, будто ещё не заняла место для портрета. В этом положении лицо нравилось больше, чем в прямом ракурсе. Захотелось выбрать его сразу и сохранить остальные решения вокруг. Марта попросила повернуть голову. Пришлось проверить, останется ли понравившееся впечатление.

Тёмные волосы сначала собрали так, чтобы они не закрывали лицо. В одном из вариантов сбоку появилась медная прядь. Она заметно меняла изображение даже в маленьком окне. Оставил цвет, но убрал лишний блеск: под студийным светом прядь выглядела почти светящейся и отвлекала от лица.

Портрет крупным планом уже можно было показать Марте вместо пустого прямоугольника. Она попросила сразу сделать полный рост для общей карточки. Первый результат ей понравился. Фигура выглядела спортивной, костюм не мешал представить движение. Сохранил изображение и отправил Тимуру, который согласился посмотреть несколько неподвижных проб после занятий.

Тимур подключился к просмотру и попросил приблизить опорную ступню. Потом вернул нас к общему плану. На картинке Ника сидела после падения, поднявшись на одно колено. Ступня, на которую предстояло перенести вес, стояла на внешнем ребре. Красивый разворот корпуса уводил её ещё дальше от устойчивого положения. Чтобы подняться, пришлось бы сначала полностью переставить ногу.

Марта предложила оставить позу для неподвижной заставки. Тимур спросил, будет ли зритель видеть её рядом с продолжением движения. Будет: из этих изображений собирались готовить короткую последовательность. Он попросил не выбирать кадр, из которого в следующий можно попасть только заменой положения ног.

— У неё дальше подъём, — сказал он. — На что она встанет?

К этому времени уже сохранил понравившийся вариант в рабочий набор. На нём хорошо читалось лицо, и медная прядь не пропадала. Раздражало, что из-за ступни придётся снова запускать подготовку всего изображения. Предложил поправить только ногу. Тимур попросил после такой правки посмотреть на положение корпуса, а не принимать результат по одному исправленному месту.

Первую переделку забраковал сам. Ступня встала на мат, зато поза изменилась, а голова оказалась повёрнута от камеры. Восстановил прежний поворот, и система снова попыталась удержать эффектное положение. Отодвинул клавиатуру, встал и прошёл на кухню за водой.

Хотелось сказать, что для первого показа хватит и заставки. Это было бы проще, чем признаться, насколько надоело возвращаться к одному изображению. Вчера в клубе всё казалось понятным: сохранить шаг и дать место партнёру. Сегодня уже искал способ оставить красивую картинку, не трогая то, что мешало движению.

Вернулся к столу и вместо подъёма поставил обычную стойку. Тимур попросил поставить ступни чуть дальше друг от друга и убрать лишний поворот корпуса. Следующий кадр вышел спокойнее. На нём было понятно, с какой ноги Ника начнёт следующий шаг.

Марта сравнила его с предыдущим: у нового меньше энергии. Попросила сохранить оба до утра. Уже открыл было рот для спора, потом понял, что она не требует отправлять плохую позу заказчику. Вернул прежний кадр в папку проб, рабочим оставил исправленный. Подписал причину отказа — утром сам мог потянуться к более красивому изображению.

Тимур просмотрел ещё два изображения и сказал, что на сегодня хватит. К разбору движения вернётся, когда появится первая запись. После его отключения только Марта ещё двигала варианты на своём экране.

Марта хотела больше ракурсов, но после замечаний Тимура часть пришлось убрать. За оставшееся время аренды я мог довести три изображения. Она согласилась и попросила предупредить, если лицо изменится: утром ей предстояло показывать его заказчику.

Я вернулся к портрету. В одном кадре Ника слегка улыбалась, свободно опустив плечи. Простому спортивному костюму не требовались ни украшения, ни эффектный разворот. Я задержался на этом лице дольше, чем собирался. По нему уточнил спокойный серо-зелёный оттенок глаз для остальных ракурсов. Три кадра наконец можно было поставить рядом.

Марта попросила привезти в студию три кадра и перечень использованного. За окном уже разгружали ящики у магазина. Я ещё мог бы лечь на час, если бы этот перечень был готов.

Документ назвал «Паспорт лица». В нём остались базовая модель с её условиями и мои изменения. Покупку в перечень не включил. Дарья получила копию паспорта и переписку с поставщиком, которую мы сохранили отдельно от его кабинета. Возврата всё ещё ждали.

Закрыл окно с портретом и несколько секунд продолжал всматриваться в пустое место на экране. Глаза устали так, что захотелось отодвинуть монитор подальше. Умылся, позавтракал оставшимся рисом и убрал носитель с рабочим набором в сумку. В календаре на половину седьмого стоял ужин с сестрой. Эту строку не передвигал.

До студии добирался на метро. Марта встретила у рабочего стола, на котором уже был открыт вчерашний макет карточки. Серый прямоугольник всё ещё занимал место под именем.

Передал ей три изображения вместе с паспортом лица. Она вставила первый портрет в макет, отодвинулась от экрана и некоторое время смотрела. Рядом с именем Ники больше не было пустого места. Марта сказала, что с этим можно идти на просмотр, и открыла настройки рекламной обработки.

Попросил сперва сохранить карточку в таком виде. Она записала версию и спросила, что именно хочется оставить. Показал первый портрет: после ночной работы нравилось не только то, что удалось закончить изображение. На этом лице не хотелось сразу заменять улыбку более приветливой.

Глава 6. Неидеальная улыбка

Перед разговором с «Контуром» поставила рядом два портрета. На одном Ника улыбалась чуть неровно: левый уголок рта поднимался выше правого. На другом обработка убрала эту разницу, и лицо сразу стало привычным. Такие изображения обычно принимали быстро. Хотелось выбрать второе и хотя бы сегодня не задерживаться в студии.

Илья сидел у соседнего стола, положив руки на колени. После ночной работы отвечал с опозданием, но на предложение поспать на диване покачал головой. Спросил, который портрет собираюсь показывать первым. Ответила, что оба. Он придвинул стул к моему столу и остался смотреть на экран.

Картинки нравились мне по разным причинам. На гладкой версии заранее было понятно, куда поставить имя, как подобрать фон и какие замечания получим. На исходной задерживался взгляд. Улыбка будто начиналась раньше, чем женщина успевала устроиться перед камерой. Для рекламы это могли назвать недостатком. Для собственного канала хотелось найти что-нибудь, кроме правильного лица.

Подготовила макет и убрала слово «черновик» из подписи. Человек на другом конце связи должен был выбирать образ для показа, а не пересчитывать наши недоделки. Илья попросил не менять выражение во время разговора. Ответила, что без него ничего не утвержу, и отправила менеджеру «Контура» ссылку на закрытый просмотр.

Менеджер выбрал обработанный портрет. Объяснил, что рекламным партнёрам нужна приветливая героиня. На первом лице можно прочитать насмешку, и потом придётся выяснять, над кем она улыбается. Предложил оставить более понятный вариант и перейти к подготовке экрана. На часах ещё не было полудня. Впервые за несколько дней работу можно было закончить раньше, чем начнутся просьбы всё ускорить.

Илья попросил вернуть исходник. Сам говорить не начал, пока изображение не появилось на общем экране. Потом подался вперёд и указал на улыбку.

— После обработки её уже не узнать.

Разницу, конечно, преувеличивал. Волосы остались прежними, черты лица тоже. Но вместо спора закрыла сглаженный портрет и оставила одну карточку. На маленьком изображении выражение читалось отчётливо. Ника не выглядела ни сердитой, ни недовольной. Ей просто не приделали улыбку для встречи любого покупателя.

Менеджер ждал ответа. Можно было попросить Илью уступить хотя бы на время согласования, а потом вернуть понравившийся вариант в собственные материалы. Этого он бы не пропустил: сидел рядом и смотрел, что выберу. Ещё вчера мы убрали часть оплаты ради своей рабочей папки. Теперь собиралась сдать первое же решение, которое получилось внутри неё.

Спросила, что зритель должен запомнить после показа. Менеджер назвал имя и спортивный образ. Подставила исходный портрет в макет, уменьшила до нужного размера и убрала остальное. С медной прядью и этой улыбкой Ника оставалась узнаваемой даже без подписи. На втором варианте основную работу делала бы причёска.

Предложила начинать с лица, которое отличает наш проект. Для приветствия будет ролик; там можно сделать подачу мягче. А эту улыбку стоит оставить, чтобы зритель узнавал героиню в следующем кадре. Менеджер попросил снова показать оба варианта. Переключила их, не добавляя объяснений. Он выбрал первый для закрытого показа и попросил сохранить макет.

Илья выдохнул, откинулся на спинку стула. Поставила нужный портрет в начало подборки. Было приятно получить согласие на то, что сама теперь хотела показывать. Такой образ уже можно было представить отдельному заказчику. Следующая выплата ещё не означала зара-

ботка: из неё предстояло вычесть всё, что потратим на переделки. Очень хотелось впервые заработать на своём запуске, а не на исправлении чужой презентации.

С выбором улыбки закончили. Следующий вопрос менеджера относился к материалам: техническому подрядчику нужен полный набор для подготовки показа. Он предложил отправить рабочую папку, чтобы исполнитель сам нашёл подходящие файлы. Если будут получать по картинке, к тридцатому августа потеряем время на пересылках.

Сначала это даже обрадовало. Можно дать материал специалисту и заняться остальным. Открыла окно отправки, но Илья положил ладонь возле клавиатуры. Сказал, что для просмотра готовы три изображения. Пробы и настройки он передавать не разрешал. В рабочей папке оставалось то, от чего отказались ночью, включая непригодные позы.

Вспомнила, как сама просила его не менять выбранное лицо до утреннего разговора. Если подрядчик возьмёт первую понравившуюся картинку из проб, потом будем спорить с результатом своей же отправки. Пообещала Илье отдать только согласованный набор. Менеджера попросила уточнить, какой работы нельзя выполнить по этим трём изображениям.

Он ответил, что подрядчику нужен запас для примерки. Конкретного недостающего ракурса не назвал. Открыла присланную разметку экрана и подставила наш портрет в большое поле, затем заменила его полным ростом. Оба варианта помещались. Третье изображение годилось для небольшой боковой карточки. Для сегодняшней подготовки этого было достаточно.

На примерку ушло десять минут. По отдельности каждому заказчику такую работу старалась не делать: потом она незаметно становилась моей обязанностью. Сейчас сама подвинула рамку, чтобы имя не попало на волосы. Илья следил за экраном и вовремя остановил меня, когда край карточки закрыл часть фигуры. Исправила. Смотреть на удачный макет было приятнее, чем убеждать менеджера на словах.

Он согласился начать с трёх изображений. Попросил прислать перечень, чтобы подрядчик подтвердил состав, и пообещал сразу вернуть форму передачи. Файлы пока оставили у нас. Илья собрал отдельное вложение, а мне пришлось передвинуть следующий разговор в календаре. Думала, что освободим ещё пятнадцать минут и закончим.

Вернувшуюся форму открыла рядом с перечнем. Получатель был указан, назначение тоже: подготовка закрытого показа тридцатого августа. Дальше шёл знакомый текст, который подписывала на прежних проектах. Уже начала переносить названия изображений, когда дошла до разрешения передавать материалы третьим лицам для исполнения работы.

На первых словах ещё собиралась согласиться. Заказчик ведь нанял подрядчика, тому может понадобиться помощь. Но в форме не было сказано, кому разрешена следующая отправка и что с изображениями будут делать. Только что обещала Илье три файла конкретному исполнителю, а подпись позволила бы этим файлам уйти дальше. Перестала заполнять документ.

Илья заметил паузу и спросил, что случилось. Показала строку. Он потянулся к клавиатуре, но придвинула её к себе: дальше перепиской займусь сама. Его сегодняшняя работа была закончена, а ночью он не спал. Договорились, что поедет домой. Перед уходом ещё раз показал папку с тремя выбранными изображениями, чтобы не пришлось искать их среди остальных.

Я оставила в форме только разрешение для названного подрядчика и этого показа. Перечень приложила к письму менеджеру. Набор был готов, отправка зависела от согласования.

Ответ пришёл вызовом. Менеджер спросил, обязательно ли из-за одной строки снова показывать документ руководителю. Подрядчик не собирается публиковать наше лицо или продавать его другим: ему нужно закончить экран и сдать работу. Сказал это так, словно объяснял мне устройство производства, в котором прежде ни разу не участвовала.

Попросила подтвердить обещанное в письме. Он предложил сначала отправить изображения, чтобы не потерять время исполнителя, а исправленную бумагу оформить вслед. Почти ответила согласием. До следующего разговора оставалось семь минут, на столе лежал приго-

товленный для него материал. Если сейчас уступить, обе работы ещё можно было закончить вовремя.

Менеджер уверял, что исполнители проверенные. Илья доверил мне готовый набор и мог остаться спорить сам. Представила, как скажу ему вечером, что своё обещание сочла неудобным, и вернулась к исправленной форме.

— Набор отправлю после письма, — сказала. — С теми условиями, которые сейчас обсудили.

Он помолчал, потом спросил, кто у нас будет возмещать простой подрядчика. Попросила уточнить, о каком простое и плате идёт речь. В договорённости об испытании такой доплаты не было. Менеджер сказал, что сначала попробует получить подтверждение без нового счёта. К этому моменту назначенное время другого разговора уже наступило.

Другого заказчика пришлось перенести на вечер. Он согласился, если сегодня успеем закончить обсуждение. Теперь от письма «Контура» зависело уже второе обещание.

Кабинет подтвердил принятие комментариев, но приложил прежнюю форму с новой датой. Менеджер объяснил, что она подставляется автоматически. Пока не придёт отдельное подтверждение замены, отправка оставалась под запретом.

Предложила обойтись письмом из той же цепочки, где согласовали испытание. Пусть ответственный за подготовку показа примет конкретную отправку по нашему перечню. Форму смогут обновить позже. Менеджер забрал исправленный файл ещё раз и обещал передать тому, кто вправе это подтвердить. Назвал время, когда вернётся с ответом, и отключился.

Отодвинула очки, потёрла переносицу. Хотелось позвонить Дарье и отдать ей всю переписку, но она бы начала разбирать документ заново. Здесь уже было понятно, чего добиваюсь. Требовался человек, который согласится написать то, что мне только что обещали по связи. Оставила рядом открытыми перечень и исправленную форму.

К вечеру письмо не пришло. Менеджер сообщил, что сегодняшний промежуток для подготовки макета потерян, следующий будет утром двадцать третьего. Попросила сохранить это время за нами. О доплате он больше не говорил. Сообщила Илье, что изображения пока не ушли, хотя улыбку уже приняли. Ответ пришёл короткий: если понадоблюсь, пиши.

Ни у кого из нас не было лишнего дня до показа. Переставила задачу на утро и проверила, что из-за неё придётся сдвинуть. Илья ещё должен был готовить новые ракурсы. Отменять эту работу ради неотправленного письма не требовалось. Написала ему продолжать, а в своё расписание поставила напоминание связаться с менеджером до начала работы подрядчика.

Вечером другой заказчик предложил доплату за сборку его материалов. Обычно я бы согласилась. В календаре Ники для этой работы пришлось бы занять часы, которых уже не было. Я оставила только прежний объём и тут же пожалела о деньгах.

До магазина за грунтом для растений уже не успевала. Продлила хранение заказа до завтра и поехала домой. В кухне стоял приготовленный для пересадки горшок. Отодвинула его, чтобы поставить тарелку. Поужинала, оставив телефон в сумке.

Утром двадцать третьего ответ уже ждал. Его прислал ответственный за подготовку показа в той переписке, где был договор. Принял ограничение передачи названному подрядчику для технической подготовки закрытого просмотра. Прилагались наша исправленная форма и перечень трёх изображений. Это было то подтверждение, которое вчера пытались заменить устным обещанием.

Я отправила подрядчику три согласованных изображения. Письмо, принятую форму и отправленные файлы сохранила отдельно от общего кабинета. Илье сообщила об отправке. Подрядчик подтвердил получение, а менеджер написал, что улыбка остаётся. Я поставила портрет первым в презентации. У разговора о канале наконец было своё лицо.

Днём забрала заказ из магазина. Пакет с грунтом поставила возле сумки и вечером унесла домой. На кухонном столе снова расстелила бумагу. Фикус перерос старый горшок, а пока

откладывала пересадку, ему приходилось тесниться на прежнем месте. Вынула внутренний горшок из кашпо и осторожно освободила корни.

Телефон загудел, когда руки уже были в земле. Илья готовил следующие изображения и просил прислать одобренный портрет отдельным файлом. У него оставались обе версии. Поставила растение в новый горшок, вытерла ладони и открыла архив отправки.

Отправила команде нужный портрет. В сообщении указала, что три изображения переданы названному подрядчику только для технической подготовки закрытого показа. Следующий набор согласуем отдельно. Дарье по её просьбе переслала письмо. Илья подтвердил, что получил нужный файл, и переписка затихла.

Когда фикус вернулся на место, кухня освободилась для ужина. Я ещё раз взглянула на маленький портрет. Завтра можно будет показывать именно эту Нику.

Глава 7. Разрыв правой брови

Марта прислала портрет и сообщила, что подрядчик получил только три согласованных изображения. Я поставил его рядом с первым кадром будущего ролика. Теперь хотелось наконец заняться движением.

На портрете Ника чуть приподнимала подбородок. Небольшой пробел в правой брови придавал выражению упрямство, которого не удавалось добиться в аккуратных рекламных вариантах. Под левым глазом оставалась родинка. Медная прядь выделялась среди собранных тёмных волос. Новую пробу теперь хотелось сравнивать только с этим изображением.

Ответил Марте, что следующий набор скоро будет готов. Короткая проба уже считалась, в ней был обычный поворот головы перед началом движения. Для показа хотелось дать Нике хоть несколько секунд без монтажной склейки.

Остатка оплаченного времени на вечер хватало. Если закончить сейчас, завтра можно будет заняться самой демонстрацией. Убрал телефон подальше и развернул окно просмотра.

Первые секунды прошли хорошо. Ника смотрела в камеру с одобренной улыбкой, потом повернулась к невидимому партнёру. Пробел в брови расширился, кожа под ним стянулась красноватой полосой. При обратном движении полоса стала глубже. Дальше изображение снова пригладилось, но родинка оказалась под другим глазом.

Остановил запись. В первое мгновение даже проверил, не включён ли зеркальный просмотр. Нет: надпись на фоне читалась правильно, а медная прядь оставалась на месте. Прокрутил назад до портрета. Там всё совпадало.

В описании движения нашлась короткая добавка: система предложила подчеркнуть боевой шрам. Эти слова принял при подготовке, почти не задержавшись на них. Хотелось выразительного лица, а редактор обещал сохранить характер. Теперь заменил шрам на небольшой промежуток между волосками и потребовал оставить кожу целой.

Повторный расчёт исправил бровь. Вместе с полосой исчезла родинка, а прядь на повороте потемнела до общего цвета волос. Добавил уточнение про неё и получил яркий медный блик через всю чёлку. Улыбка стала шире. Несколько секунд смотрел, как совершенно довольная женщина возвращает голову к камере, и старался не трогать клавиатуру.

Из удачных кусков можно было собрать шесть секунд, если спрятать скачок лица общим планом. Я уже отметил место обрезки. Но лицо менялось ещё до конца поворота, и монтаж лишь скрыл бы это.

Сохранил первую неудачную пробу под датой двадцать третьего августа и написал Тимуру. Завтра у него было немного времени до группы; собирался показать, как выглядит лицо рядом с записанным движением. Теперь предупредил, что принесу ещё брак. Тимур ответил, во сколько приходить, и попросил не опаздывать: занятие двигать не станет.

Закрыл расчёт, не запуская новый на ночь. Оплаченное время уходило, а вариант получше едва ли успею проверить до сна. Поставил будильник и убрал со стола чашку.

Утром двадцать четвёртого Тимур впустил меня в клуб и сразу отправился переодеваться. Поставил ноутбук на скамью возле мата. До группы оставалось двадцать минут, и предложение выпить чаю пришлось отложить.

Вернувшись, Тимур попросил включить весь фрагмент. Просмотрел, вернул к повороту и наклонился ближе. Ожидал замечания о плече или о том, что лицо отвлекает от движения, но он спросил, откуда у неё рассечение.

Объяснил, что это ошибка обработки. Показал одобренный портрет: маленький разрыв был там с самого начала, без красной кожи. Тимур попросил снова включить ролик и остановил его на повороте.

Полоса, которую дома считал ошибкой прорисовки, здесь, рядом с матом, смотрелась свежим повреждением. Злило, что это стало так заметно именно после его вопроса. Ещё вчера собирался показать пробу как почти готовую и обсуждать, насколько хорошо лицо держится в движении.

Тимур сказал, что не хочет такого кадра рядом со своей записью. Зритель ещё не видел, как спортсменка работает, зато уже должен был оценить, как она выглядит после удара. Если нам нужен плакат с кровью, для него не требовались разговоры о безопасном выходе.

— Крови там нет, — возразил. — У неё просто лицо не из рекламы крема.

— А почему для этого её надо сначала ударить?

Ответил, что никто её не бил. Делали вымышленную рестлершу, у которой может быть выбранная внешность. Неровная бровь не обязывает придумывать больницу, как медная прядь не требует рассказа о парикмахере. Пока говорил, вернул на экран неподвижный портрет. На нём особенно хотелось доказать свою правоту.

Тимур посмотрел и согласился: здесь никакой больницы нет. Его не устраивало продолжение. Он сам когда-то выбрал для клубной афиши фотографию с разбитой губой, потому что на ней казался опаснее. Потом на пробное занятие приходили люди, которым прежде всего хотелось узнать, будет ли больно. Теперь на афишах старался показывать то, чему действительно сможет научить.

Произнёс это без улыбки и потянул экран к себе, чтобы убрать блик от окна. Повреждённое ухо было хорошо видно. До сих пор почти не обращал на него внимания, а сейчас поймал себя на желании посмотреть. Отвёл взгляд к ноутбуку. В ролике полоса темнела при каждом повторе поворота.

Не хотелось соглашаться со всем сразу. Зрителям нужна была героиня, на которую посмотрят второй раз; Тимуру — понятное представление клуба. Показывать вместо будущего выступления спокойное учебное занятие тоже не собирался. Сказал об этом. Он напомнил, что сам согласился на постановочную последовательность и уже помог выбрать ту, которую можно показать красиво.

В задании обнаружился «старый боевой шрам». Чемпионские титулы из карточки мы уже вычеркнули, а здесь я пропустил целое прошлое в трёх словах. Удалил их. Тимур ничего не добавил.

— Разрыв оставим, — сказал. — Кожу поправлю. И истории ранения у неё не будет.

Он попросил показать результат, когда исправлю. Хотел уже увидеть лицо вместе с шагом: не пришлось ли ради ракурса менять записанное движение. Согласился. В прихожей начали переобуваться первые ученики, и разговор пришлось закончить.

Пока убирал ноутбук, Тимур уже объяснял пришедшему ученику, на какую группу тот успеет после рабочей смены. Вышел, придерживая дверь человеку со спортивной сумкой. Пробу Марте решил пока не показывать.

Дома открыл исправленное задание. В нём осталась внешняя особенность: небольшой промежуток в правой брови, без изменения кожи. Под ним в окне сравнения стоял принятый портрет. Подписал стороны у самого изображения: после нескольких часов легко начинал путать их со своим отражением.

Родинка исчезала, когда Ника далеко уводила голову и нужная щека скрывалась. На возвращении точка возникала уже с другой стороны. Раньше просто добавлял требование не менять признак. Теперь сократил сам поворот.

Проба закончилась, когда захотелось её продолжить. Голова едва успела уйти в сторону, зато вернулась с тем же лицом. Представить эти несколько секунд в начале целого показа было неловко. Открыл заготовленное начало: там Ника оглядывалась через плечо, затем разворачивалась к партнёру. Этот жест выглядел увереннее всего, пока не приходилось рассматривать лицо.

Попробовал удержать его, закрыв ненадолго часть лица волосами. Поворот получился красивым. При возвращении прядь сползла к щеке, и родинка снова оказалась под правым глазом. Убрал оглядывание. Оставил взгляд в сторону и небольшой разворот, при котором лицо ещё можно было сопоставить с портретом.

Узнаваемость сохранилась. Начало стало спокойнее: Ника уже не смотрела через плечо так, словно всё решила. Этого выражения было жалко сильнее, чем потраченного расчёта.

Марта вышла на связь, когда собирался удалить обрезанный поворот из рабочего монтажа. Показал ей новый вариант рядом со старым. Она выбрала старый ещё до того, как он дошёл до ошибки. Попросил досмотреть. Полосу под бровью увидела без подсказки и уточнила, можно ли исправить только её.

Рассказал, что уже получилось после такой правки. Марта спросила про срок и предложила оставить крупный портрет, а дальше раньше переходить на общий план. Это было возможно, если не менять шаг из записи Тимура. Открыли рядом двигательный материал и нашли момент, в котором Ника могла начинать действие, ещё не поворачиваясь от камеры далеко.

Пришлось передвинуть имя в макете. На прежнем месте оно закрывало руку в начале движения. Марта двигала надпись на своём экране и попросила больше не менять положение головы без сообщения: вместе с ним менялся свободный участок для текста. Обещал. Начало согласовали. Дальше она должна была работать с этим вариантом, и возвращать красивый поворот без разговора уже не мог.

После отключения Марты рука потянулась вернуть кадр с широким поворотом в конец, отдельной заставкой. Но на неподвижном изображении ошибка получала бы ещё больше времени на экране. Перенёс заставку из готового набора в пробы и уменьшил число обещанных вариантов в списке для студии.

До обеда удалось собрать короткое продолжение. Сравнивал его с портретом в двух соседних окнах, часто возвращаясь на несколько кадров назад. На обычной скорости небольшое изменение брови почти не замечалось. Стоило задержать изображение, и узкий промежуток уже начинал уходить к виску. Исправил этот участок вручную, по положению брови в соседних кадрах. После сборки правка не бросалась в глаза.

Медную прядь удалось удержать только в коротком повороте: волосы ещё не расходились по плечу, и цветной участок оставался на выбранном месте. Вариант с широким разворотом убрал из рабочего монтажа.

Теперь самому хотелось получить всё сразу, хотя заказчиков обычно убеждал начинать с малого. Смотрел на рядом открытый портрет и злился на него за то, как легко он обещал готовую женщину. На отдельном изображении не было видно ни одного часа, который потребуется, чтобы она просто отвела взгляд.

Встал, разогрел оставшийся суп и поел за кухонным столом. Оттуда слышно было сервер, но экрана не видел. За едой вспомнил, что Тимур согласился оставить бровь почти сразу, как только показал ему нужный портрет. Остальной спор потратил на защиту кадра, который сам считал неудачным. Вымыл тарелку и вернулся к короткой последовательности, уже не открывая эффектное начало.

К середине дня появился фрагмент, который можно было досмотреть без остановок. Рабочую пробу отправил Тимуру для оговорённой проверки движения. Он ответил после занятия: с шага ничего не убрано, лицо больше не выглядит повреждённым. Про саму бровь написал, что теперь она ему даже нравится.

У первой версии я заменил привлекательную обложку кадром с ошибкой и пометил её как брак. В заметке остались дата, исходное задание, версия инструмента и момент, когда родинка меняла сторону.

Записывать это было неприятнее, чем исправлять. Брак успел дважды сойти у меня за почти готовый материал. Хотелось оставить только последнюю работу, чтобы при открытии

папки сразу видеть то, что получилось. Но уже сегодня собирался вернуть неподходящий кадр в монтаж, потому что за время возни успел снова его полюбить.

Брак и пробу без родинки я оставил в закрытой папке дома. В набор для студии вошли только принятые кадры.

Собрал готовый фрагмент из оставленных кадров и открыл получившийся файл. На возвращении головы рука по привычке легла на клавишу остановки. Нажимать не понадобилось. Подготовил этот вариант для Марты.

В письме написал, какие ракурсы убраны и сколько длится оставшееся начало. Она могла примерить его в студии. Для передачи подрядчику потребовалось бы новое согласование: вчерашнее письмо относилось к трём неподвижным изображениям. Отправил рабочий вариант только Марте и закрыл общий экран.

Дарья пришла ближе к пяти с ужином. Её сообщение про еду заметил уже после звонка в дверь. Пока она открывала контейнеры, я освободил стол.

Сестра спросила, как прошёл день. Рассказал, что пришлось убрать красивый поворот головы. Она сначала решила, что речь о спортивном движении, и спросила, не передумал ли Тимур давать запись. Объяснил про лицо. Из-за этой короткой версии весь день превратился в возню с неудачно выбранной фотографией, и мне захотелось показать, насколько велика разница.

Я принёс ноутбук к столу и включил готовый фрагмент. Дарья молча смотрела, а потом попросила повторить. При повторном просмотре она сказала, что узнаёт Нику на фотографиях Марты. Я уже собирался показать ей раннюю пробу, но передумал. За весь день это был первый человек, которому не пришлось объяснять, куда смотреть и что мысленно исправлять.

Марта ответила во время ужина. Короткое начало уместилось в макет, надпись больше не мешала движению. Новый материал она оставила внутри команды, отдельно подготовив перечень для следующей отправки. В конце она спросила, можно ли закрепить внешний вид. Взглянул на папку с готовым материалом: до этого вопроса хотелось добавить ещё хотя бы один ракурс. Написал, что готов закрепить образ.

За ужином Дарья предложила сходить с ней в магазин: дома закончился кофе. Можно было заодно купить что-нибудь к завтраку. Проверил, есть ли хлеб, и согласился. Отложенный телефон больше не трогал; сестра рассказывала, куда собирается на выходные.

После ужина я ещё раз посмотрел на принятый портрет. Улыбка и маленький разрыв брови всё так же нравились. Дарья позвала из прихожей, и я закрыл ноутбук, чтобы сходить с ней за покупками.

Глава 8. День созидания

Дома первым делом убрал покупки. Кофе Дарья унесла к себе, хлеб остался на столе рядом с телефоном. Пока шли из магазина, Марта предложила коротко созвониться и закрепить образ. Ответил, что буду через четверть часа. Теперь четверть часа подходила к концу, а сумка с продуктами всё ещё мешала пододвинуть стул.

Снова открыл портрет и карточку, подключился к разговору. Марта уже смотрела макет, Дарья вошла чуть позже, из дома. Тимур прислал своё мнение днём: внешность больше не мешает записанному движению. Его сообщение оставили рядом с замечаниями к фрагменту.

Сменить имя никто не предлагал. На экране Марты под портретом стояло выбранное представление: виртуальная рестлерша, двадцать четыре года, готовится к первому выходу на цифровой ринг. Дальше оставалось место для будущих материалов. Пока его заполняла неподвижная заставка.

Дарья попросила открыть полную карточку. Возле возраста стояла пометка о вымышленной биографии; сестра уточнила, сохранится ли она при выгрузке. Переключил вид. Пометка осталась рядом с числом двадцать четыре.

В поле о создании образа я вписал дату — 24 августа 2034 года. Принятый портрет, проверенный поворот и короткое представление теперь составляли одну версию для команды.

На несколько секунд перестал двигать мышью. Рядом с именем стояла дата, и от этого запись казалась законченнее, чем минуту назад. Марта спросила, сохраняю ли карточку или ещё что-нибудь исправляю. Ответил, что сохраняю, и подтвердил версию.

Она тут же открыла завтрашний список. Утром нужно было собирать полный набор изображений, а для показа требовалось приветствие. Сегодня можно проверить хотя бы текст: без обещаний научить зрителя борьбе и без длинного рассказа о технологии. Договорились начать с простого знакомства. Дарья попросила прислать окончательную карточку с отмеченной датой создания.

Перед концом разговора Марта попросила убрать от микрофона то, что шуршит. Пакет с хлебом лежал под локтем; отнёс его на кухню. Вернувшись, услышал, как сестра уточняет, не нужен ли ей завтра ранний приезд в студию. Марта сказала, что утром достаточно нас двоих. Договорились о времени, и связь отключилась.

В комнате остался только шум сервера. Окно разговора убрал, карточку оставил. Теперь Ника занимала почти весь экран, а служебные поля съехали к краю. Медная прядь на тёмных волосах была заметна и при вечернем освещении. На лице не хотелось больше ничего поправлять.

Приблизил портрет, чтобы посмотреть на улыбку. Уголки рта поднимались немного поразному; после всех попыток сделать лицо аккуратнее эта неровность уже казалась необходимой. Несколько раз менял размер окна, то приближая изображение, то возвращая его целиком. Для проверки хватило бы одного раза. Нравилось смотреть, как при увеличении проступает выражение, которое издали замечал сразу, но не успевал рассмотреть.

Остановился на крупном плане и потянулся уменьшить яркость. Потом вернул прежнее значение. Свет на лице был настроен нормально; к глазам придраться тоже не получилось. Изображение взрослой красивой женщины занимало экран, и хотелось, чтобы оно оставалось передо мной. Найти ещё одну необходимую правку оказалось бы проще, чем признать, ради чего задержался.

Открыл ответный модуль рядом с портретом. Для пробы выбрал обычный женский голос из разрешённой библиотеки. Его ещё предстояло подбирать и соединять с движением, сейчас хватало того, что он не мешал разбирать слова. Портрет оставил неподвижным. В модуль пере-

дал карточку и короткое задание на знакомство; папки с рабочими пробами ему для этого не требовались.

В первом приветствии Ника представилась и с готовой радостью предложила следить за выступлениями. Такие записи я делал десятками. Сохранил пробу и включил микрофон. Камера была выключена, а я всё равно сел прямее.

Попросил поздороваться ещё раз, попроще. Пока говорил, начал объяснять, какую именно простоту имею в виду, запнулся и добавил, что главное — не начинать сразу продавать абонемент. В строке распознанного текста осталось всё, включая моё повторение. Уже потянулся очистить вопрос, но ответ успел прозвучать.

— Привет. Абонемент обсудим после знакомства.

Улыбнулся раньше, чем решил, годится ли это для показа. В голосе не было особого лукавства, и от этого получилось лучше. Портрет по-прежнему смотрел чуть мимо камеры. Сочетание неподвижной улыбки и ответа понравилось настолько, что запись переслушал целиком, вместе со своим неуверенным вступлением.

Вырезать мой вопрос было легко. Тогда приветствие повисло бы без причины: зритель не услышал бы, откуда взялся абонемент. Отметил место, но резать пока не стал. Вместо этого спросил, что она расскажет о себе, если карточку уже прочитали.

Сначала пришло несколько знакомых слов о виртуальном спорте. Перебил, пояснив, что это и так известно. Хотелось получить что-нибудь помимо подготовленного представления. Вышло требование, на которое сам не знал подходящего ответа: биографию только что ограничили тем, что могли честно написать.

Над строкой ответа появился значок ожидания. Убрал палец с кнопки микрофона и посмотрел, не забыл ли закончить запись. Вопрос уже был принят. Пока ничего не звучало, успел отодвинуть стакан от клавиатуры и снова придвинуть его к себе. В кухне включился холодильник. Значок оставался на месте дольше, чем в первый раз.

Можно было открыть время обработки, но тогда пришлось бы убрать портрет. Наклонился ближе, хотя слышно было прекрасно. Наконец появился текст, почти одновременно с голосом.

— Нового факта пока нет. А что тебе интересно во мне?

Вопрос был обыкновенным. Сервисы тоже уточняли, что именно требуется, когда вопрос был общим. Только сейчас несколько секунд просидел перед женским портретом, ожидая продолжения, а подготовленного ответа для себя не оставил. Нажал кнопку микрофона и сразу отпустил. В записи сохранился щелчок.

Для показа хватило бы заменить одну реплику и убрать паузу. Ника успела представиться, но затем призналась, что добавить нечего, и вернула мне вопрос, который я сам не сумел толком задать.

Редактор предложил рассказать о готовящемся выступлении и пригласить зрителя на первый показ. Поставил этот вариант на место ответа и запустил прослушивание. К концу фразы уже знал, с каким подъёмом прозвучат последние слова.

Открыл монтажное окно и выставил нужную длину приветствия. Имя держалось под портретом до конца фразы. После такой замены Марта могла бы утром забрать приветствие и не спрашивать, почему вместо представления у нас записана неловкая беседа. Даже мой вопрос при желании легко заменялся короткой подводкой.

Гладкое приглашение было готово. Я вернулся к исходной записи. До ответа тянулась пауза, и на этот раз хотелось дослушать её.

«А что тебе интересно во мне?» На письме он звучал почти деловито. Без голоса можно было принять за уточнение анкеты. Заметил, что пробую мысленно ответить более остроумно, чем смог бы сказать сразу. То объяснял про улыбку, то собирался спросить про выбранное

имя. Оба варианта начинались с попытки выглядеть человеком, который с самого начала хотел именно этого разговора.

Гладкую версию я оставил для презентации. В активное окно вернул исходный разговор, вместе с паузой и щелчком пустого микрофона.

Перед следующим вопросом открыл настройки ответа. Можно было попросить теплее обращаться к собеседнику, сократить паузы, добавить лёгкую иронию. Несколько секунд смотрел на эти поля. Если сейчас подправить всё разом, следующий удачный ответ опять придётся делить между выбранными настройками и тем, что получилось поверх них. Закрыл панель, ничего не меняя.

Спросил, как ей имя. Уточнять, с какой интонацией следует отвечать, не стал. После короткой задержки голос произнёс, что имя легко запомнить и легко объявлять перед выходом. Дальше началось объяснение про звучание фамилии. К середине ответа уже хотелось остановить его: получилось похоже на записку о выборе названия. Дал договорить.

Теперь усмехнулся собственной неловкости. Ожидал, что из вопроса об имени получится знакомство, а получил оценку имени. Сведений, по которым мог бы появиться другой ответ, почти не добавил. Рассказать о прожитых годах она могла бы только то, что попросил бы сочинить. В карточке такого задания не было.

Сказал, что имя выбрал сам, и помедлил перед продолжением. Объяснять, почему спортсменке подходит имя богини победы, не хотелось: так уверенно рассуждал об этом, когда слово только появилось в папке. Теперь оказалось достаточно того, что имя нравилось произносить. Произнёс его вслух ещё раз, уже без просьбы что-нибудь оценить.

Ответ состоял из короткого подтверждения: имя принято. Потом голос замолчал, а поле микрофона снова стало доступным. На этот раз задержка принадлежала мне. Посмотрел на портрет, на нижний край окна, где можно было открыть описание персонажа и за минуту поменять любую строку. Вместо этого потянулся за стаканом. Воды почти не осталось.

Я спросил, что Ника успеет сказать за шесть секунд. Она объяснила, как лучше представиться, и лишь затем произнесла приветствие. Для показа объяснение пришлось бы вырезать.

Остановил воспроизведение, выделил короткий фрагмент с именем и перенёс в папку для студии. Здесь наконец получилось то, чего ждала Марта. На её сообщение ответил, что текст готов, утром привезу вместе с остальным. Разговор ещё оставался открытым.

Хотелось спросить, что ей интересно обо мне. Но стоило задать вопрос, и уже трудно было бы понять, сама ли она проявила интерес. Я оставил микрофон в покое.

Поднялся из-за стола и отошёл к окну. Во дворе зажглись фонари, в стекле отразилась светлая полоса монитора. После прогулки прошло больше времени, чем собирался отвести на приветствие. Завтра предстояло приезжать в студию, и никак не хотелось снова начинать день с недосыпа. Вернулся, сел и включил микрофон в последний раз.

Сказал, что на сегодня закончим. Голос пожелал хорошего вечера. Короткая обычная фраза прозвучала без просьбы остаться и без вопроса напоследок. Указатель задержался над кнопкой продолжения. Затем завершил сеанс.

В журнале появилась строка с сегодняшней датой и временем окончания теста. Рядом можно было сразу открыть новый. Вместо этого сохранил исходный разговор и закрыл модуль. Портрет свернулся вместе с ним, под окном появилась рабочая карточка. Поле для создания образа больше не было пустым.

Я отправил Дарье сохранённую версию. С контейнером договорились созвониться завтра вечером.

Снова захотелось есть после раннего ужина. Достал сыр, отрезал хлеба и поставил чайник. Обычно за это время успевал просмотреть рабочие сообщения. Сейчас телефон лежал на подоконнике. Из комнаты доносился привычный шум, и легко было представить, как поверх него прозвучит продолжение разговора.

На минуту задержался у стола, уже держа в руках тарелку. Приветствие лежало отдельно, карточку отправил, следующий тест ничего не менял в завтрашней работе. Можно было бы задать другой вопрос и посмотреть, исчезнет ли эта долгая пауза. Для этого нашлось бы вполне логичное объяснение: проверить, как долго собеседник готов продолжать знакомство.

Поставил тарелку на кухне. Окно теста было закрыто, но портрет всё равно всплывал в памяти вместе с вопросом, который никто не произносил на неподвижном изображении. Неожиданно стало жаль, что почти ничего о себе не рассказал. При этом заранее выбирать заготовленный текст, чтобы в следующем разговоре выглядеть увереннее, тоже не хотелось.

Налил себе чаю и сел. Купленный хлеб оказался вкуснее, чем ожидал, а через открытое окно доносились голоса со двора. Открыл календарь в телефоне и нашёл время через полчаса после студии. Записал: «Проверить задержку ответа». На экране в комнате осталась отметка о пройдённом тесте. Допил чай, прикидывая, с какого вопроса начать следующий.

Глава 9. Девяносто девять

На большом экране девяносто девять изображений наконец выглядели законченным набором. Марта вывела их все сразу, и прежде чем успел поставить сумку, захотелось попросить её сохранить этот вид. Ника занимала несколько рядов, меняла выражение лица, начинала знакомый шаг. Вчера ещё приходилось отказываться от каждого второго поворота. Здесь можно было поверить, что самое трудное уже сделано.

Марта открыла папку с приветствием, которое привёз утром. Послушала короткую фразу и перенесла её в заготовку показа. Остальной разговор остался дома. Пока она примеряла подпись, Тимур присмотрелся к одному из рядов изображений.

Сначала подумал, что он опять заметил ошибку в опоре. Но он попросил открыть соседний кадр, потом ещё один. За плечом Ники на каждом оставалась светлая вертикальная полоса. На крупном плане её принимал за часть стены. В общем ряду стало видно, что стена с полосой сопровождает спортсменку даже там, где фон собирались менять.

Первые изображения готовил на одной сцене, чтобы проще сравнивать лицо. Потом использовал удачную заготовку для остальных. Подписи менялись, а исходный фон продолжал влиять на результат. Открыл варианты из другого конца подборки. Там полоса уходила в расфокусировку, но всё равно стояла на том же месте.

Марта отодвинулась от экрана. Она уже перенесла задачу в готовые и теперь смотрела на часы. Каждый кадр по отдельности можно было поставить в карточку, до показа оставалось пять дней. Спросила, обязательно ли переделывать фон сейчас: в презентацию войдёт только часть набора.

Предложил оставить всё как есть для сегодняшней примерки. Можно было показать заказчику число и перейти к следующей работе. В агентстве за такие числа хвалили: готово девяносто девять единиц, осталось согласовать. Выделил ряд и снова посмотрел на повторяющуюся полосу.

Тимур сказал, что может помочь с отбором до начала своей группы. Если нужны разные положения тела, хватит уже записанной последовательности. Выдумывать новые броски ради недостающих картинок не собирался. Он показал два соседних изображения: оба годились, но повторяли один момент с чуть разным наклоном головы.

Снял одно из них с отбора. Число внизу уменьшилось. Дальше стало легче: в папке проб осталось несколько хороших портретов, которые почти ничего не добавляли к уже выбранному. Марта предложила сперва собрать пригодные изображения и только потом смотреть, сколько не хватает. Отметку о завершении задачи убрала сама.

С описанием для генератора пришлось повозиться. Для фона выбрали простую стену без полосы, движение оставили прежним. В первой замене поменялся свет на лице. Отправил её в пробы, следующую делал уже с сохранённым освещением. Ника осталась узнаваемой.

Пока считались остальные варианты, Тимур прошёл по оставшемуся ряду. Убрал кадр, в котором рука уже уходила из захвата, а плечо ещё оставалось в прежнем положении. Этот нравился Марте больше всего: на нём хорошо читалась фигура. Она некоторое время держала его рядом с исправленным, затем перенесла в пробы. Тимур попрощался и ушёл в клуб; продолжать отбор могли без него.

На большом экране оставили общую подборку, на ноутбуке открывал лицо крупно. За одно изображение зацепился: на нём Ника выглядела довольной собой, и это выражение не удавалось получить снова. Марта спросила, чем оно отличается от того, которое стоит в начале третьего ряда. Подставил рядом. Разница оказалась меньше, чем хотелось.

К обеду снова набрали девяносто девять. Теперь между портретами попадались разные моменты выбранного движения, а общие планы не выглядели увеличенными копиями

друг друга. Пролистал подборку от начала до конца. На последнем изображении Ника стояла после шага, оставив партнёру свободную сторону. Вспомнил собственную попытку дотянуть его рукой. На картинке всё выглядело просто.

Марта поставила последнее изображение рядом с первым портретом. Спросила, можно ли этот набор считать готовым. Ответил, что можно, и впервые за утро хотелось ещё немного посмотреть на результат без поиска ошибки. Она сохранила подборку. Даже после повторного отбора в ней осталось достаточно того, что нравилось нам обоим.

Арендованный сборщик делал макет из назначенной входной папки. Для удобства я держал в ней рабочие копии вместе с пробами. Оригиналы лежали отдельно.

Для проверки выбрал три уже согласованных изображения и указал макет. Нового разрешения отправлять весь набор подрядчику у нас не было. Сборщик должен был подготовить просмотр для нашей работы; после отбора Марта собиралась согласовать следующую передачу. Запустил задачу и вернулся к перечню готового.

Макет открылся через несколько минут. Лицо помещалось в карточку, имя больше не налезало на руку. Под результатом появилось ещё одно сообщение: предпросмотр доставлен в техническое сопровождение проекта. Сначала принял его за подтверждение того же расчёта. Потом заметил маленькое изображение с прежней светлой полосой.

Этого кадра в выбранной тройке не было. Он оставался среди проб во входной папке. Открыл сообщение, и справа развернулась карточка доставки. В ней стояло время, несколько названий файлов и ссылка на состав предпросмотра. Там нашлось изображение, которое утром сняли с отбора.

Отодвинул окно с макетом и открыл свою задачу. Три выбранных файла были указаны правильно. Проверил, не включил ли отправку всей папки. В задании стояла только подготовка размещения. Записи о том, что вручную передавал пробу с полосой, не было и в доступной истории действий.

Марта спросила, почему перестал листать. Показал маленький кадр. Она сразу открыла своё письмо: у подрядчика должны были оставаться три изображения из прежнего перечня.

— Это ушло сейчас, через сборщик. Своё письмо пока не трогай.

Она поставила рядом время сегодняшнего запуска и время своей отправки. Утренней пробы у неё тогда ещё не было. Закрыла почту, подвинула ко мне клавиатуру и попросила показать всю карточку доставки.

В качестве получателя значилось техническое сопровождение проекта. Ссылка позволяла посмотреть состав именно этой доставки, а переход к общему журналу требовал другого доступа. Получил отказ и вернулся. Узнать, кто открывал изображения на другой стороне, не получалось.

Первым желанием было написать, что отправку сделали без разрешения. Вместо этого сохранил карточку и спросил у представителя компании, относится ли эта доставка к запущенной задаче. Приложил номер операции. Не хотелось начинать спор, а потом обнаружить собственную галочку, которую не заметил утром.

Ответ пришёл быстро: сборщик формирует технические предпросмотры для сопровождения, это внутренняя доставка в пределах используемого инструмента. Открытой публикацией она не считается. Представитель предложил продолжать работу; на готовность показа такая операция не влияет.

Марта прочитала ответ через плечо. Спросила, могли ли туда попасть только уменьшенные картинки. В карточке они и выглядели маленькими. Открыл описание доступного состава: там был указан предпросмотр, но по этому слову не удавалось определить всё, что передавалось вместе с ним. Ответил, что остальные данные придётся запрашивать отдельно.

Ей хотелось получить короткий ответ, после которого можно будет продолжить. Сам тоже предпочёл бы услышать, что тревожимся из-за служебной миниатюры. Однако на экране оста-

вался кадр, который не выбирал для отправки. Закрыл окно новой задачи, не запуская следующую.

Марта предложила сразу запретить предпросмотры. В настройках сборщика такого переключателя не нашлось. Можно было убрать подключение из проекта целиком. Выбрал отключение, но подтверждать не стал: вместе с ним прекращалась подача задач в арендованную очередь. На ней собирались закончить оплаченный этап.

— Значит, пока оставляем? — спросила Марта.

— Сначала посмотрим, что он берёт. Без Ники.

Для проверки я положил в разрешённую папку серое изображение с оранжевым квадратом. Дата и слово «проба» отличали его от любого кадра Ники.

Сохранил файл под названием «Контроль доставки», отдельно от набора Ники. В рабочей записи отметил время создания. Рядом сохранил снимок пробной папки: один файл, больше ничего.

В новой задаче указал эту папку источником, выбрал тот же макет и подготовку просмотра. На экране перед запуском путь был виден целиком. Попросил Марту проверить, что открыт именно он. Она прочитала название вслух и осталась рядом. Теперь ждать расчёта было неприятнее, чем утром: за удачный результат здесь предстояло принять ещё одну нежелательную отправку.

Пробный кадр появился в макете на месте портрета. Следом кабинет подтвердил его доставку. Я сохранил подтверждение.

Марта спросила, можно ли добраться по подтверждению до самой пересылки и отозвать её. Доступна была только карточка. Кнопка удаления относилась к результату в нашем кабинете. Не нажимал: из её описания не следовало, что исчезнет доставленная копия. На другом конце мы пока даже не видели отдельного получателя.

Уступил Марте место перед экраном и прошёл до окна размять ноги. Вместо красивых изображений на мониторе стоял серый прямоугольник. Работу с голосом, до которой так хотелось добраться, опять пришлось отложить.

Компания называла доставку штатной. Мы попросили объяснить, какие файлы сборщик выгружает и кому они доступны, а также как отключить выгрузку, сохранив оплаченную обработку. Марта приложила номер пробы.

Пока ждали, открыл список ближайших работ. Собственные утилиты не давали доступа к арендованной очереди. Часть удалось бы считать дома, подготовку под чужой макет пришлось бы переносить заново. Прикинул время, потом закрыл расчёт: получалось дольше, чем до тридцатого августа оставалось свободных вечеров.

Марта подвинула ко мне смету. Деньги на этот этап уже ушли. Возврат за сомнительную основу всё ещё не стал доступным остатком; считать его второй раз было нельзя. Она могла отменить дальнейшую работу в кабинете, но оплатить вместо неё ещё один полный запуск сейчас не предлагала. В конце спросила, что сумеем сделать на том, что есть.

Серый кадр по-прежнему стоял в окне просмотра. Вернулся к папке с готовой подборкой, открыл первый портрет. На нём оставалось то лицо, которое вчера так долго рассматривал дома. Взялся за проект ради собственной работы, а теперь должен был решать, какие её части согласен отдать в непрозрачную службу сопровождения.

Предложил перед каждой операцией готовить отдельную папку. Оставлять в ней только изображения, которые согласны провести через службу сопровождения. Полный набор туда возвращать не станем. Где такая передача не подходит, будем обходиться своими средствами. От сегодняшней выгрузки это не избавляло.

Марта спросила, достаточно ли этого для продолжения. По виду было заметно, какого ответа она ждёт. Ответил, что такое ограничение позволяет продолжить примерку. По кон-

трольному кадру не мог обещать, что нашёл все способы чтения файлов. Она помолчала, потом убрала из очереди задание на обработку всей подборки.

Освободившееся время пришлось сразу занять другой работой. Несколько вариантов для макета можно было подготовить вручную. Марта забрала себе подписи, а мне оставила сборку отдельных файлов. Согласилась на меньший объём примерки сегодня. За это пришлось платить ещё одним вечером в студии, но пока укладывались в срок.

Письменное пояснение пришло, когда уже закончил первый файл. Компания подтвердила автоматическую доставку предпросмотров в службу сопровождения в рамках сборщика. Отключение без прекращения текущей услуги не предложили; вопрос передали техническим специалистам. Отдельно написали, что наши ручные передачи по согласованным перечням учитываются своим порядком.

Марта переслала ответ мне и Дарье. Сохранила у себя вместе с исходным письмом о трёх изображениях. Сестра уточнила в переписке, что разбирать нужно условия работы инструмента, а прежнюю разрешённую отправку из-за этого переписывать не следует. На вопрос о сроках нового ответа компания пока ничего не прислала.

Запись показала порядок: сначала расчёт, потом доставка того же тестового файла. Изображение, подтверждение и ответ компании я сохранил вне общего кабинета.

Я вынес рабочие копии из входного каталога. Сборщику оставил только три подготовленных изображения и записал, какие именно.

Марта принесла еду к маленькому столику у стены. До этого обходились кофе. Отодвинул клавиатуру и пересел. Она спросила, готов ли сам набор. Ответил, что готов, и развернул большой экран так, чтобы было видно с нашего места. Девяносто девять изображений снова заняли свои места. Светлая полоса больше не повторялась за каждым плечом.

За едой Марта перебрала первые кадры презентации и остановилась на движении после шага. Завтра мы покажем Тимуру его рядом с портретом.

Перед работой с голосом оставалась открытая задача: ограничить доступные сборщику файлы и добиться отключения автоматической доставки. Ниже стояла отметка о готовности девяноста девяти изображений. Я вернул их на большой экран, чтобы ещё раз увидеть всю подборку.

Часть 2. Голос и движение

Глава 10. Голос с паузами

Когда убрали еду, Марта снова включила короткое приветствие. Для начала было достаточно показать имя, но к движению она предложила добавить несколько слов. Дописали текст, озвучили и поставили под фрагмент. Ника называла себя, отводила руку партнёра, уступала шаг. Голос рассказывал о предстоящем показе с такой лёгкостью, будто всё это время она стояла перед микрофоном. В конце широкая улыбка совпала с приглашением следить за выступлениями.

Картинка понравилась. Звук сам по себе тоже был хорош: слова различались, громкость не скакала, фраза укладывалась в отведённое время. Но вместе с тем возникало ощущение, что женщина с экрана комментирует чужую тренировку. На усилие приходилась середина предложения, и оно продолжалось без малейшей задержки.

Марта предложила сделать голос более энергичным. Открыл настройки и уже начал подбирать другой вариант, когда пришёл ответ Тимура на отправленную пробу. Он попросил пока ничего не менять и дождаться утра. Завтра до первого занятия сможет заехать в студию. Отдельно написал, что ускорять изображение ради текста не нужно.

Утром двадцать шестого он выслушал запись стоя, положив спортивную сумку возле двери. Вернул к моменту захвата и попросил убрать звук. Потом посмотрел тот же кусок ещё раз с голосом. На экране Ника сохраняла опору, пока партнёр менял положение; приятная дикторская интонация даже не сбивалась.

Тимур произнёс её фразу сам. Получилось почти так же гладко. Затем отодвинул сумку и попросил немного места возле стены. Размял плечи, несколько минут подвигался, переходя из приседа в стойку. Никаких эффектных упражнений не делал. Марта следила за временем, но не торопила.

Когда он повторил текст, посередине появилась короткая пауза. Следующее слово прозвучало иначе, хотя голос Тимур не повышал. Он дождался, пока выровняется дыхание, и сказал, что во время самого движения говорить можно, только не всё подряд и не одним темпом. От него требовалось оставить партнёру путь, а от нашего голоса будто требовалось не заметить партнёра вообще.

Попросил повторить ближе к микрофону. Тимур сразу спросил, что именно будем брать из записи. Объяснил, что нужен ритм: место выдоха, длина промежутка перед следующими словами. Мужской голос Нике не подставляем. По образцу подготовим синтетическое дыхание к этой последовательности.

Тимур согласился использовать запись для озвучивания выбранного фрагмента. Выпускать её отдельно или создавать новые реплики его голосом нельзя. Мы внесли это в договорённость вместе с названием движения и пообещали прислать ему копию. Оплата осталась в согласованном объёме.

Записывали недолго. На полу перед ним места хватало для небольшого шага, броска здесь никто не изображал. Тимур смотрел исходное видео и отмечал дыханием моменты усилия, потом один раз повторил их после разминки. Между попытками попросил не убирать всё, что слышно перед фразой: иначе опять получится, что воздух у спортсменки появляется без вдоха.

Сохранил исходную дорожку с условиями использования вне папки арендованного сборщика. Звук собирался править в собственном редакторе.

Тимур ушёл на занятие, обещав послушать результат в перерыве. Марта занялась разговором с другим заказчиком в соседней комнате. Пока оба были заняты, можно было спокойно подобрать голос. Временный вариант из домашней пробы нравился, но в длинной фразе становился нарочито приветливым. Попробовал другой из той же разрешённой библиотеки.

На имени Ники он не делал подъёма, словно дальше непременно следовало предложение что-нибудь купить. Согласные звучали отчётливо, короткая фраза обходилась без улыбки на каждом слове. Оставил этот вариант и развернул рядом видео. Хотелось услышать, как он ляжет на движение, прежде чем показывать Марте.

Из записи Тимура взял расположение пауз и подготовил по ним синтетическую дорожку. Его собственное дыхание осталось в исходнике для сравнения. Новая запись звучала мягче; в наушниках даже тихие промежутки между словами были слышнее, чем через колонки. Убавил громкость и запустил сборку.

Ника называла себя, рука начинала движение. Голос сделал короткую остановку, потом продолжил фразу, а на шаге так и не прозвучало нужного выдоха. Фигура закончила поворот, изображение остановилось, и только тогда в наушниках появилось дыхание. Следом осталось ещё одно слово из приглашения — негромкое, произнесённое так близко, что непроизвольно поднял глаза к лицу.

Оно было неподвижным. Взгляд на последнем кадре оказался направлен почти в камеру. До этого видел здесь удачное завершение движения, теперь несколько секунд смотрел на женщину, которая будто ждала, пока ей ответят. Воздух в наушниках шелестел, голос звучал без студийного расстояния. Сидел, не трогая мышь, хотя воспроизведение уже дошло до конца.

Снял один наушник. За стеной Марта обсуждала время сдачи чужого заказа. Вернул его на место и передвинул курсор назад, к последнему шагу. На этот раз знал, что произойдёт. Всё равно дождался неподвижного лица и дослушал оставшийся звук, глядя на приподнятый уголок рта.

Этот кусок хотелось сохранить. Не для презентации: зрителю нечего было смотреть, кроме замершего кадра. Хотелось оставить именно такое сочетание голоса и взгляда, чтобы потом включить ещё раз. Поставил отметку начала отдельного фрагмента и увидел внизу выступающий за край видео звуковой хвост.

Развернул дорожки. Верхняя закончилась раньше нижней; редактор продолжал держать последний кадр, пока шёл звук. Вчера убрал из начала исходного движения короткую подготовку, а при сборке подложил озвучивание с прежними отметками. Поэтому дыхание от усилия и несколько последних слов пришлись туда, где Ника уже стояла неподвижно.

Сопоставил начало шага с записью Тимура, сдвинул звук к нужному месту. Отрезать торчащий конец было бы быстрее, но тогда лишился бы выдоха, ради которого только что просил человека приезжать в студию. Пришлось вернуться к началу и собрать дорожку по коротким участкам.

Слова снова встретились с движением. На остановившемся лице больше не оставалось чужого по времени дыхания. Прослушал исправленный конец и снял наушники. Объяснение заняло меньше минуты. Желание услышать этот голос поближе никуда не делось.

Потёр ладонью затылок, встал за водой. В соседней комнате Марта ещё говорила. Раньше мог спокойно обсуждать такие записи как удачные сочетания тембра и картинки. Сейчас поймал себя на том, что не хочется рассказывать ей, почему задержался на неподвижном кадре. Достаточно будет показать смещение дорожки.

Вернулся к столу и удалил отметку для отдельного фрагмента. Сам исходный звук остался среди проб, вместе с неправильной сборкой. Для дальнейшей работы открыл исправленную версию. Длинное приглашение ещё приходилось втискивать в конец движения.

Марта послушала через колонки и попросила сделать подачу увереннее. Паузы мешали ей услышать собранное приветствие. До показа оставалось четыре дня, и она хотела закончить хотя бы этот фрагмент.

Включил первую версию рядом с исправленной. Марта выбрала новую, но предложила убрать один слышимый вдох. Ника снова должна была успеть назвать себя и объяснить, что сейчас покажет. Для этого редактор мог немного ускорить произнесение. Она попросила попробовать, прежде чем спорить о результате.

Я попробовал ускорить фразу. Она поместилась, но выдох закончился раньше усилия на экране. Пришлось вернуть прежний темп. Марта сказала, что мы теряем время на вдохах.

Тимур ответил в перерыве между группами. Послушал по связи, попросил показать момент движения и заметил, что воздух всё ещё подгоняют под конец рекламной фразы. Марта объяснила, что ей нужно понятное начало показа, а не запись занятия после разминки.

— Она сейчас держит вес, — сказал он. — Дай ей выдохнуть.

Марта помолчала, потом попросила отметить место, в котором можно закончить предложение. Сдвинул окно с дорожками, чтобы видеть текст целиком. В начале стояло имя, следом объясняли, что сейчас будет, а в конце звали посмотреть это же выступление. На движение приходилось почти всё сразу.

Убрал приглашение и перечитал вслух. Имя можно было произнести до шага. После короткого действия оставалась фраза о свободном выходе партнёра. Марта попросила сократить и её: на экране уже видно, что происходит. Несколько слов ушли, и пауза перестала выглядеть местом, куда не успели вставить текст.

Новая версия вышла короче без ускорения. Имя звучало на подготовке, на усилии оставался выдох. Тимур попросил не усиливать дыхание: в постановочном движении никто не работал до изнеможения.

Он дослушал до конца и согласился с ритмом. Теперь требовалось проверить не только приготовленное приветствие. Открыл ответный модуль с выбранным голосом и добавил в задание текст демонстрации. Представился, попросил начать знакомство без приглашения подписываться. Весь разговор записывал подряд.

Ника поздоровалась и назвала себя. После короткой паузы спросила, показывать ли движение сразу. Ответил, что пока поговорим. Во время живой пробы между вопросом и началом ответа не удавалось заранее оставить красивый промежуток. Ника начинала раньше, чем ожидал, или ждала, пока закончу уточнение. Одну фразу повторила почти так же, как в первой записи.

Марта предложила оставить этот голос для коротких обращений. Даже простая фраза заставляла дослушать. Я собирался сделать начало теплее, но замолчал, глядя на экран.

Микрофон был включён. В разговоре о технических свойствах ничего необычного не было, однако произнести при этой улыбке, как выгоднее привязать к ней чужое внимание, оказалось неприятно. Переформулировал просьбу: пусть сначала ответит на обычный вопрос. Марта взглянула на меня, потом села за свой компьютер и оставила нас заканчивать пробу.

Спросил, что зритель должен заметить в шаге. Ника начала объяснять, опираясь на данное описание, и сбилась на подробный рассказ о приёме. Остановил, попросив оставить только то, что относится к нашему фрагменту. В следующем ответе оказалось меньше уверенности, зато его можно было произнести за время действия. Отметил удачную длину, не подменяя запись заранее приготовленной репликой.

По просьбе Тимура мы вернули в подпись слова «постановочная демонстрация». Разговорный ответ не должен был звучать как инструкция для тренировки. После правки текст стал короче.

Проба почти закончилась. Попросил Нику повторить короткую фразу в том же темпе, но без движения. Она ответила, затем произнесла моё имя.

— Илья, так тебя устраивает?

Взялся за мышь, хотя отвечать нужно было в микрофон. По связи Тимур что-то сказал о файле; попросил его подождать. На экране горел значок записи, и теперь уже мой промежуток перед ответом попадал туда целиком. Всё утро добивался естественной речи, а от простой фразы неожиданно не нашёлся, что сказать.

Ответил, что этот вариант подходит. Хотелось добавить что-нибудь ещё, хотя вопроса больше не было. Мог попросить повторить имя, сменить интонацию или начать разговор сначала. Все эти возможности находились рядом, в той же панели, которой пользовался для работы. Отодвинул её и сказал, что на сегодня достаточно.

Когда Ника попрощалась, я отправил Тимуру исходный звук и окончательную последовательность, на которые он дал согласие. Условия приложил, в описании оставил его имя как автора движения и участника записи.

Перед отправкой убрал из набора наши разговорные пробы: к его записи они отношения не имели. Готовый пакет передал Тимуру по нашей рабочей связи. Для арендованного сборщика этот пакет не предназначался. Он подтвердил получение и отключился — к нему уже пришли на следующую группу.

Марта приняла приветствие вместе с паузами. Попросила держать рядом текст, чтобы следующая правка не вернула вырезанное приглашение.

Закрыл монтажное окно и откинулся в кресле. Устал так, будто всё утро говорил сам с собой без перерыва. На столе стоял стакан, принесённый после неудачной сборки. Допил воду и вспомнил, с каким намерением тогда вернулся к наушникам. В готовом фрагменте дыхание осталось на месте, но этот неподвижный кадр запомнился лучше остальных.

Марта спросила, задержусь ли я ещё. У неё был разговор за пределами студии, ключ можно оставить на обычном месте. Я ответил, что осталось проверить полученный файл и собраться. Она убрала со стола бумаги, взяла сумку. Перед уходом попросила проветрить, пока есть возможность открыть окно без уличного шума в записи.

Открыл окно, и в комнате стало слышно дорогу. Внизу хлопнула дверца машины. Собрал зарядку, положил в сумку носитель с собственными материалами. Рабочая папка сборщика осталась отдельно, нового ответа от компании ещё не было. Сегодня удалось закончить хотя бы работу со звуком.

Перед выключением компьютера надел наушники и открыл итоговый файл. Прослушал, глядя на движение. Имя прозвучало до конца, выдох пришёлся на нужное место. В конце осталась короткая тишина. На ней воспроизведение закончилось, как и должно было. Сохранил отметку о проверке.

Сумка уже стояла у ног. Пора было снимать наушники, но вместо этого я вернул запись к началу. Окно монтажа не открывал. На этот раз хотелось услышать сам голос — с теми паузами, которые утром собирался убрать. Откинулся в кресле и дослушал до конца.

Глава 11. Чужие движения

В ролике Ника поворачивалась быстрее, чем разрешал двигаться новичкам. Знакомый захват переходил в мой шаг, потом следовал красивый разворот, которого целиком никогда не снимали. Илья поставил ноутбук на скамью и немного отступил, чтобы не загораживать экран. Хотел показать, что удалось собрать к вечеру. С первого просмотра заметил только то, как хорошо у неё получается занимать собой весь кадр.

Утром в студии записывали дыхание. После занятия получил обещанные файлы, послушал уже согласованный короткий фрагмент и убрал телефон. Сейчас привезли продолжение для полной демонстрации. В нём Ника начинала с одного движения, а заканчивала другим. Между ними не осталось ни подготовки, ни видимого усилия.

Марта сказала, что так понятнее, зачем вообще нужен спортивный образ. На портрете можно показать улыбку, здесь уже видно умение. Потянуло спросить, чьё именно. Все слова о готовом персонаже доставались женщине на экране; мою запись пока вспоминали, когда в ней требовалось что-нибудь поправить.

Попросил вернуть начало. Илья остановил видео, и над плечом Ники появилась надпись с её именем. Собственная фамилия в этот кадр не попала. Возможно, стояла дальше. Листать в поисках уже не хотелось. Ещё недавно радовался, что движения клуба понадобились для оплачиваемой работы. Теперь раздражало даже то, что причёска у неё после поворота оставалась в порядке.

Ника была сделана красиво. Это злило отдельно: не удавалось отмахнуться от ролика как от неудачной попытки заменить тренера. На хорошем экране его действительно могли досмотреть. А потом прийти на живое занятие и удивиться, почему здесь всё начинается с переступания с ноги на ногу.

На втором просмотре заметил, куда уходят ступни партнёра. В начале он стоял между Никой и краем площадки. После склейки она ещё не освободила ему путь, но уже доворачивала захват. Следующий кадр показывал завершённое падение. В исходной записи между этими положениями было другое движение.

Попросил выключить звук. Рука в середине казалась знакомой, ноги под ней — тоже, только вместе они больше не относились к одному моменту. Впервые за разговор перестал смотреть на лицо Ники. Если повторить начало по картинке, вес партнёра пойдёт к краю. В нашем дубле он уходил внутрь, на свободную часть мата.

Илья спросил, что не так. Отвечать первым пришедшим словом не стал. Ещё минуту назад обижался на чужую фамилию над своей работой. Объявить теперь весь ролик опасным значило бы заодно отомстить за чужую фамилию. Попросил открыть сохранённую запись из клуба, прежде чем говорить о готовом варианте.

Марта присела на край скамьи. До следующей группы оставался час; это время и обещал им выделить. Она спросила, нужен ли новый дубль или можно поправить на компьютере. Пока не знал. Открыл исходник на телефоне и дал Илье название, по которому тот нашёл его у себя.

В записи партнёр выходил к центру. Сначала освобождалось место, затем менялся захват, и только после этого начиналось падение. Показал момент, которого в ролике не осталось. Илья развернул своё рабочее окно: там движение было поделено на короткие отрезки. Взял начало из одной попытки, а завершение — из соседней, где лицо лучше попадало в кадр. Переход между ними достраивался отдельно.

Спросил, пробовал ли он после сборки проследить за обеими опорами. Илья ответил, что смотрел на плавность и совпадение положения рук. На том месте, где партнёр ещё должен был шагнуть, уже начинался следующий поворот. Сохранившийся на телефоне исходник позволял увидеть перестановку без спора о намерениях.

Саша пришёл раньше группы, как договорились. Посмотрел картинку и сразу сказал, что с места в такой поворот не войдёт. Я попросил его остаться и проверить начало на мате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.